

Андрей МАРТЪЯНОВ
ПОСРЕДНИК

Наследник

Андрей Мартьянов

Посредник

«Лениздат»

2010

Мартьянов А.

Посредник / А. Мартьянов — «Лениздат», 2010 — (Наследник)

Мы ищем не сокровища, а знания. Не золото, а ценнейшие документы прошлых эпох. Не драгоценности и сундуки с деньгами, а уникальную информацию. Вот цель медиаторов, профессионально работающих в исторической реальности минувших веков. Тщательно разработанный план дает сбой и события начинают развиваться непредсказуемо. Кто кого переиграет – жители средневековья или современный человек? Вторая книга цикла А. Мартьянова «Наследник» позволит читателю проникнуть в самые оберегаемые тайны двора короля Франции и узнать, куда ведут «червоточины» – Двери, позволяющие наблюдать за событиями отдаленного прошлого. Это огромный риск. Эта профессия сопряжена с жертвами. Однако чего не сделаешь ради великой цели? История неизменяема, но сценарий событий можно изменить. И это в твоих руках. Действуй!

© Мартьянов А., 2010

© Лениздат, 2010

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Мартьянов

Посредник

Глава первая

Voyage Paris

11–15 января 2009 года

Париж – Санкт-Петербург

...– Я приеду в Питер месяца через полтора или два. Пока можешь отдыхать и потихоньку изучать материалы. Список необходимой литературы я тебе выдал, посмотри файл на флешке с названием «Книги». Большинство из них выложены в Интернете, другие придется заказывать через книготорговые сайты или искать по крупным университетским библиотекам. Разберешься. И не ленись, дело-то серьезное...

Славик молча кивал и слушал наставления – за минувшие дни он твердо уяснил, что когда речь заходит о работе, Иван шутить не станет. К своей профессии тот относился с крайней степенью серьезности и заставил гостя из России проникнуться похожими чувствами: любая ошибка может стоить жизни, и это в лучшем случае. О худших вариантах лучше не думать вовсе.

Двое молодых людей, стоявших неподалеку от пассажирского таможенного терминала аэропорта «Руасси – Шарль де Голль», мало чем отличались от прочих пассажиров или пришедших проводить их на рейс родственников и друзей. Европейцы одеты неброско, разговаривают тихо, однако не по-французски, а на русском. Впрочем, в «Руасси» каких только языков и диалектов не услышишь, все-таки крупнейший узел авиаперевозок, за сутки обслуживающий до тысячи четырехсот рейсов во все стороны света...

Парень пониже ростом, с русой бородкой и увязанными в толстую косичку светлыми волосами, смахивал на студиязуса откуда-нибудь из Скандинавии – наверное, швед или норвежец, вот и на пуховике флажок с крестом Святого Олафа. Оглядывается чуть беспокойно, будто суэта гигантского аэропорта его тяготит. Второй – высокий и по-медвежьи широкий в плечах, – наоборот, держится абсолютно спокойно, с вальяжной ленцой, присущей всем крупным людям. Вероятно, бывший военный – стрижка армейская, по уставу французского *Légion étrangère*, светло-синие джинсы заправлены в высокие ботинки «Коркоран», взгляд голубых глаз безмятежно-уверенный.

– Номера моих телефонов ты записал, – продолжал втолковывать Славику Иван. – Не захочешь тратить деньги на международные звонки, ищи через «Скайп», так гораздо удобнее. Если, конечно, я буду в сети. Всё, слышишь, твой рейс объявили... Не забудь внести в таможенную декларацию покупки.

– Да покупок-то этих кот наплакал, – поморщился Славик, искоса глянув на стоящий у ног рюкзачок. – Я ж не в шоп-тур ездил. С ума сойти, а?... Ну и переплет!

– Отставить ныть! Выбор сделан, отступать некуда. Давай ручищу и топай. Как приедешь, отбей СМС, что благополучно долетел. Не забудь, я теперь за тебя головой отвечаю.

– Даже на расстоянии?

– Да. Даже на расстоянии. Схему поведения запомнил? До поры до времени сидеть тихо, в нехорошие истории не вступать, на *ту сторону* без нужды не ходить. А если соберешься заглянуть *туда* – с тройной осторожностью и вооруженным.

– Хватит сто раз повторять одно и то же. Пожалуйста.

– Повторение – мать учения. Пока я не вобью тебе в голову, что наше ремесло в сотню раз опаснее, к примеру, наемничества в странах Африки или торговли кокаином в Колумбии, не успокоюсь. Забудь о романтике.

– Уже забыл, – тяжело вздохнул Славик. – Я пойду?

– Давай. И прекращай бояться самолетов, это несерьезно!

– Постараюсь.

Домой в Питер Славик летел на том же самом «Эрбасе-330», даже узнал двух стюардесс из салона бизнес-класса. Девушки в сине-черной форме улыбнулись ему будто любимому брату – сработала профессиональная вежливость или запомнили пассажира, отправлявшегося из северной столицы России пять дней назад? Указали кресло, мигом принесли водку в крошечных бутылочках и апельсиновый сок. Надо же, действительно помнят! Только сок в прошлый раз был манговый.

Через иллюминатор было видно, как ветер гоняет по обширному летному полю снежные вихорьки – погода в округе Парижа испортилась вчера, резко похолодало, в Иль-де-Франс наконец-то пришла настоящая зима. Оставалось надеяться, что и дома ударили морозы, декабрьская слякоть надоела смертно.

Интересно, могут ли самолеты летать в метель и насколько это опасно?

К сожалению, не нашлось никого, кто сумел бы объяснить Славику, что «триста тридцатый» способен взлетать и садиться практически в любых погодных условиях, за исключением тайфунов и торнадо, отчего до времени, пока машина не заняла эшелон на одиннадцатикилометровой высоте, пришлось изрядно поволноваться – каждый толчок или воздушная яма в полосе облачности воспринимались как предвестие неминуемой катастрофы. Водка, как доступное успокоительное средство, спасала лишь отчасти.

Обошлось. Вскоре принесли роскошный обед, а откушав, Славик опустил спинку кресла, привалился головой к шторке иллюминатора и мгновенно заснул: сказывались напряжение последних дней и перманентный стресс, который получает почти каждый человек, впервые очутившийся далеко за границей, в незнакомой истораживающей обстановке.

Стюардесса разбудила Славику за двадцать минут до посадки в питерском «Пулково-П», и он никак не мог вспомнить, что за мерзкий сон видел – в нем точно фигурировали новые парижские знакомцы, за исключением Вани, страшный «дикообраз», которого довелось встретить на *той стороне*, и еще какие-то бесформенные чудовища.

На родную землю Славик спустился далеко не в самом лучшем настроении, а поскольку его никто не встречал, сразу сел в маршрутку до метро «Московская» и направился домой – на набережную Мойки.

В квартиру, ставшую источником всех неприятностей, за последние три месяца обрушившихся на доселе ничем не примечательного токаря, не предполагавшего, как изменит его жизнь крайне подозрительное наследство, нежданно-негаданно полученное от дальней родственницы в минувшем октябре.

* * *

Стратегическая цель, стоявшая перед Славику во время краткого заграничного вояжа, – встретиться с заинтересованными его странном приобретением людьми, именующими себя «Грау», «Серые», – была достигнута. Собственно, по их приглашению он и отправился в Париж, не имея и малейшего понятия о стране пребывания, не владея никаким языком, кроме

«этикеточного английского» и начатков древнескандинавского, с которым по нынешним временам был знаком лишь ограниченный круг лингвистов.

Ехал в никуда, слабо представляя, каковы окажутся итоги непредвиденного путешествия и чего следует ожидать от Серых. Вроде обошлось, по крайней мере до времени.

Тот, кто придумал приставить к Славiku в качестве экскурсовода квартирного хозяина и телохранителя Ивана, был хорошим психологом – за границей лучше чувствовать поддержку и участие соотечественника, и жить не в гостинице, а на частной квартире. Процесс адаптации пойдет куда быстрее и безболезненнее.

Ваня, а если официально – Проценков Иван Андреевич, бывший слушатель академии ПВО в Смоленске, бывший сержант уже поминавшегося Иностранного легиона, действующий бакалавр Сорбонны по истории романских государств и вообще человек способностей незаурядных, вызвал доверие с первых же минут общения. Во-первых, никакой заносчивости или высокомерия, свойственных некоторым «колбасным эмигрантам», полагающих бывших соотечественников людьми второго, если не третьего сорта; общается, как со старым знакомым, объясняет, рассказывает и заботится будто о младшем братишке. Такое отношение и на родине то нечасто встретишь, даже со стороны друзей, не говоря о совершенно чужих людях.

А во-вторых, Иван был *причастным*. Мало того, на *той стороне* он бывал неоднократно и даже жил там месяцами. Мельком обмолвился, будто участвовал в четырех операциях Серых в так называемой «исторической реальности», ради этого выучил девять языков, среди которых имелись настолько редкие, как старопровансальский и каталонский, всерьез взялся за исторические исследования, поступив в Парижский университет, и годика через полтора-два собирался защитить диплом магистра.

Такого количества профильной литературы, как в квартире Ивана, Славик прежде не видывал – сотни книг, груды ксерокопий и распечаток, иллюстрированные издания по эпохе Высокого Средневековья. В отдельном шкафу в гостиной – коллекция холодного оружия, несколько шлемов, три кольчуги, монеты с профилями древних королей, пузырьки с какими-то препаратами (алхимия, что ли?), два десятка старинных костюмов. И это далеко не все – Иван объяснил, что большая часть снаряжения хранится не дома, а «на базе». Что за база, объяснять пока не стал.

...– И сложно научиться с этим обращаться? – Славик взвесил в руке прямой меч, украшенный серебряными накладками и неограниченным изумрудом на гарде. Клинок оказался сравнительно легким, килограмма два или чуть больше. – Это какие времена?

– Европейский полуторник, современная реплика с исторического образца, частный заказ. Должен понимать, металл сейчас выделывают получше. Использовался в двенадцатом-тринадцатом веках... Обращаться? За год научишься сносно, если тренироваться со специалистом три-четыре раза в неделю. Чтобы стать профессионалом – года три. Выброси из головы, пока тебе эта наука не нужна. Подчеркиваю – пока.

– И что, даже в двадцать первом веке есть специалисты?

– Ага. Но очень мало. Фехтовальные школы древности в большинстве утрачены, а реконструкторы рубятся так, «как видят», то есть создают собственную технику и стиль, имеющие очень мало отношения к реальности. Нам везет больше, мы хоть своими глазами посмотреть можем. И сделать надлежащие выводы... Глянь на часы, половина второго ночи. Засиделись, а вставать рано. Отбой.

– Ну отбой так отбой, – кивнул Славик. – Мне будильник на сотовом ставить, не проспим?

– Успокойся, подниму, накормлю завтраком и поедem к боссу.

– Можешь объяснить, как себя вести с твоим... Кхм... Руководством?

– Завтра! Сказано – отбой! Марш в постель!

Итак, Грау. Сообщество людей, занимающихся самым странным бизнесом на планете. Не то сребролюбивые злодеи, не то романтики-сорвиголови, получившие доступ к одной из

серьезнейших тайн современности и решившие, что таковую можно использовать в том числе и для того, чтобы кушать не только черный хлеб с маслом, но и с каспийской черной икорочкой. И надо заметить, занимаются Серые именно *бизнесом* – сиречь зарабатывают деньги, а таковой процесс всегда и во все времена сопровождался малоприятными эксцессами и проблемами с законностью.

Впрочем, давайте по порядку.

* * *

Как уже упоминалось, эра кошмаров наяву началась для Славика Антонова в середине октября 2008 года с вроде бы радостного события – неожиданного получения наследства от бывшей супруги двоюродного деда по матери, умершего аж двадцать лет назад. Непонятно, отчего тетушка, не являвшаяся по сути даже кровной родственницей, решила облагодетельствовать человека, которого прежде видела всего несколько раз в жизни на редких общественных торжествах эпохи позднего застоя и ранней перестройки, но факт остается фактом: Славику была отписана немаленькая двухкомнатная квартира в старом фонде и в двух шагах от Невского проспекта.

Плюс двести тысяч долларов наличными в банковской ячейке.

Плюс несколько килограммов (никаких шуток!) золота в виде старинных монет в той же ячейке.

Плюс Дверь.

Дверь, открывавшаяся из квартиры не куда-нибудь на черную лестницу или в соседский сортир, а в 851 год по Рождеству Христову, точно в эту же самую географическую точку – пятьдесят девять градусов пятьдесят семь минут северной широты и тридцать градусов девятнадцать минут восточной долготы.

Смешно? Нет. Славику вскоре стало отнюдь не смешно. Наследство оказалось донельзя беспокойным, напряженным и попросту опасным.

Если вкратце: за два месяца обладания артефактом, разумеется получившим наименование «Дверь» (если предмет выглядит, как дверь, открывается, как дверь, и куда-то ведет, то это явно не люк, не форточка и не клапан! Логично? Логично!), и во время сопряженных с Дверью страшненьких происшествий, Славик выяснил следующее: странная прореха в пространстве-времени вовсе не единичная аномалия – в каталоге, оставленном наследнику подозрительной тетушкой, обнаружили данные более чем на полтысячи аналогичных Дверей в различных точках планеты. Это первое.

Второе. Изучению сей феномен не поддавался, и чем именно являлись Двери, не знал никто из посвященных в секрет их существования. Это не механизм и не техническое устройство, и уж тем более не уэллсовская «машина времени». Вероятнее всего – некое неизученное явление природы, наподобие неагрессивной сингулярности и гипотетических «червоточин», по которым якобы можно путешествовать между звездными системами без потерь в объективном времени.

В конце концов, ученые не могут до сих пор объяснить и гораздо более простые вещи, начиная от проблемы акселерации и заканчивая появлением на Земле вида *homo sapiens* в его нынешнем виде! Что уж тут говорить об аномалии, поставившей в тупик самых великих – Славик знал, проблемой Дверей в прошлом занимались звезды теоретической физики первой величины: Курчатов, Капица, Лев Ландау, но и они не пришли к каким-либо определенным выводам, развели руками и доложили руководству о полной невозможности объяснить причины возникновения аномалий и принцип их действия...

Третье, и пожалуй самое важное: за каждой известной Дверью осуществлялся надзор. Предполагалось, что на самом деле Дверей гораздо больше, чем внесено в каталог, значитель-

ная часть «червоточин» располагалась в крупных городах, в обжитой человеком местности, а следовательно, таковые было гораздо проще обнаружить. Но кто знает, сколько «прорех» находится в Сахаре, джунглях Амазонии или австралийских пустынях?

Поскольку Двери представляли нешуточную опасность, когда-то давным-давно сложился институт аргусов – наследственных хранителей «червоточин». Когда, появились первые семейные предприятия такого рода, сказать сложно, но если Двери существовали всегда, то можно предположить, что первые аргусы занялись своим ремеслом еще в Древнем Риме или Египте, а то и пораньше.

Опыт работы с Дверьми нарабатывался столетиями, часть аргусов надзирали сразу за несколькими «прорехами», другие владели одной-единственной Дверью. С развитием информационной цивилизации, особенно в XX веке, сведения об аномалиях достигли ушей спецслужб отдельных государств – достоверно известно, что о «червоточинах» знают такие серьезные конторы, как ФСБ России, британская контора МИ-6, Direction Générale de la Sécurité Extérieure – разведка армии Франции, но, что интересно, аргусов они не трогают, зная, что хранители Дверей «не такие как все» и обладают способностями, недоступными для обычных людей.

В чем заключалась собственная необычность, Славик понятия не имел – он не ощущал себя «особенным», равно и не замечал за собой каких-либо отклонений, наподобие владения гипнозом, обостренных чувств или другой паранормальщины в духе Кашпировского. Человек как человек, самый что ни на есть среднестатистический. Но старуха по неизвестной причине выбрала преемником именно Славика Антонова, что наводило на серьезнейшие размышления.

Почему именно я?

Ответ на этот вопрос не сумел дать и Владимир Платонович Гончаров, аргус из баварского Мюнхена, вытащивший Славика из пренеприятнейшей истории, в которую наследник угодил на *той стороне* по собственному неразумию и неопытности – решив поподробнее обследовать Мир за Дверью, Славик попался в цепкие лапы местных жителей, а тысячу двести лет назад берега Невы и Ладожского озера населяли люди не то чтобы злые и вредные, но относящиеся к незнакомцам в странной одежде с объяснимым подозрением. Славик угодил в плен к датской дружине морского конунга Рёрика Скёльдунга и, не вызовись господин Гончаров помочь, наверняка остался бы в IX веке очень надолго, если не навсегда.

Операция по возвращению молодого аргуса из исторической реальности в родной Санкт-Петербург заняла чуть не полную неделю, и Славик мог считать, что вышел сухим из воды: остался жив-здоров, подружился с данирами, которые оказались вовсе не страшными варварами, а вполне вменяемыми и по-своему очень добросердечными отзывчивыми людьми, получил незаменимый опыт длительного пребывания на *той стороне* и наконец-то услышал подробные объяснения касательно своего беспокойного наследства.

Гончаров, потомок русских эмигрантов, осевших после революции 1917 года в Германии, принадлежал к старому поколению аргусов – поколению консервативному, и придерживающемуся незыблемых традиций ремесла: посторонних в секрет Дверей не посвящать, со спецслужбами взаимодействовать лишь в крайнем случае, в целях меркантильных Двери не использовать, а если использовать, то в разумных пределах.

Паразитирование на Дверях приравнивалось к преступлению – потому аргусы и находились в состоянии неразрешимого конфликта с Грау, аргусами-ренегатами, рассматривавшими аномалии в качестве средства обогащения.

Во время визита в Питер Гончаров упомянул, что несколько европейских кланов Серых готовят крупную многоходовую операцию на *той стороне*. Даже не так: операцию грандиозную. Превосходящую по масштабу всё, известное ранее. Серым можно или противодействовать, или не обращать на них внимания, но в последнем случае они окончательно уверуют в свою безнаказанность и обнаглеют запредельно.

Аргусы выбрали первый вариант: противодействие. Гончаров приехал в Россию не только ради спасения шкуры влипшего в неприятности Славика, он намеревался посетить хранителей Дверей в нескольких крупнейших городах и договориться о взаимной поддержке. Ничего не вышло. Мюнхенского гостя застрелили прямоком в парадной славикова дома – демонстративно, с четко выраженным намеком: не лезь! Сунешь нос не в свое дело, закончишь так же. Тем более что Славик, проявив вполне закономерное любопытство, еще до приезда Гончарова начал активно изыскивать любые сведения о Дверях, равно и владельцах таковых...

Грау были людьми прагматичными и одной из их целей являлось расширение собственного влияния, сиречь получение доступа к другим «червоточинам», что значительно расширяло простор для комбинаций. Большинство людей можно или запугать, или купить – причем купить не в прямом смысле этого слова. Информация и недоступные другим знания – это валюта куда более твердая, чем доллар, евро или даже золотые слитки. Иные ради знания и истины пойдут на всё.

Славик входил в это число: ему было интересно. Так интересно, как никогда в жизни. И ради того, чтобы узнать, в чем подоплека, что в действительности представляет собой удивительное наследство и как им распорядиться, Славик преодолел стойкую аэрофобию, врожденное нежелание срываться с насиженного места вкупе с частенько мешавшей жить стеснительностью, и рванул аж в сам Париж.

На встречу с Серыми, предложившими взаимовыгодное сотрудничество.

Правда, в этой истории был еще один игрок, но о нем мы расскажем позже. А пока – вернемся на пять дней назад, в квартиру по адресу бульвар Капуцинов, дом двадцать четыре. Тот самый, что на углу улицы короля Эдуарда VII, возле концертного зала «Олимпия».

* * *

...– Я обычно не завтракаю, привычка, – заикнулся было Славик, обнаружив утром на кухонном столе горячие сэндвичи с тунцом, сыром и овощами. Иван наготовил их в устрашающем количестве. – Мне вполне хватит кофе. А лучше чаю.

– Слышать ничего не хочу. Садись и ешь, впереди напряженный день. Как погляжу, дома ты ведешь крайне нездоровый образ жизни...

– Раньше вел вполне здоровый, – проворчал Славик. – Утром в цех на работу, хозяйка съемной квартиры борщи готовила...

– Если хочешь, у меня есть готовый грибной суп-пюре. Найди в холодильнике коробочку, перелей в тарелку и поставь в микроволновку.

– Спасибо, не сейчас. Уж лучше бутерброды.

Уложились в двадцать минут. Иван ушел в свою комнату, переодеваться – появился в прихожей облаченный в шикарный темный костюм с бабочкой.

– Бонд. Джеймс Бонд, – улыбнулся Иван в ответ на недоумевающий взгляд гостя. – Европейский этикет, ничего не попишешь. Мы деловые люди, выглядеть надо соответственно. Не дергайся, тебя нормально примут и в джинсах – ты аргус и не сотрудник корпорации, хоть голым приходи. А я – наемный работник, субординация должна стоять на первом месте. Завязывай ботинки и вперед, опаздывать нельзя.

– Ехать далеко?

– Не будет пробок – минут пятнадцать, считай по прямой, через мост де ля Конкорд на южный берег, а там по бульварам Сен-Жермен и Распайль. Если застрянем, рванем в объезд... Пошли.

Молочно-голубой спортивный «Мерседес-230» оказался там, где его и оставили прошлым вечером, припаркованным за площадью, на углу улицы Камбон. Против ожиданий движение в центре оказалось не слишком интенсивным, глухие пробки отсутствовали. Иван сооб-

шил, что в иные дни можно стоять по часу-полтора, прежде чем заторы рассосутся. Постояли недолго, только на площади Согласия.

– Прежде всего, води себя естественно, – говорил Иван по дороге. – Босс – вполне вменяемый человек, великолепно образованный, с чувством юмора. Не знаю, что тебе наболтали про Грау раньше, но можешь поверить, я везу тебя вовсе не в логово людоедов. Один совет: особо не наглей.

– Я и не собираюсь. Условия выставлялись еще в Питере, при встрече с мсье Переком. Отступать я не намерен.

– Тебя никто и не уговаривает. Наверняка будут предложены несколько схем сотрудничества, рекомендую сначала думать головой и только потом принимать решение. Насколько я знаю, Перек сделал вывод, что ты умнее, чем хочешь казаться. Вот и подтверди его предположения.

– Кстати, а мсье Перек – он кто? Чем у вас занимается?

– Назовем так: менеджер. Материальное обеспечение некоторых проектов. Что-то вроде начальника одного из отделов, пост не самый высокий.

– Я так и знал...

– Если договоритесь, тебе объяснят кто есть кто в нашей иерархии. Аргусы, сотрудничающие с корпорацией, автоматически входят в состав руководства с правом голоса, всё честно. Тем более что настоящих аргусов у нас очень мало, все прочие – обслуживающий и технический персонал.

– Сколько всего?

– Я лично знаю только двоих... Ты третий.

Машину запарковали на улице Монпарнас, перед велосипедной стоянкой и магазинчиком «Гербористерия». По левую руку – старинная церковь Нотр-Дам де Шанз, прямо впереди бульвар. За перекрестком зеленая вывеска кафе «Леон».

– Сороковой дом, – сказал Иван. – Парадная за углом, весь первый этаж занят офисом банка «ВРЕ». Не забудь в парадной вытереть ноги, во время такого рода визитов уличную обувь в доме снимать не принято.

– Как все сложно, – усмехнулся Славик. – По-моему, в моих «гадах» входить в квартиру будет не слишком прилично.

– А здесь никто и не ходит в гости в армейских ботинках. Забудь, на это не обратят никакого внимания...

Поднялись на старинном лифте, четвертый этаж. Иван нажал на золотистую кнопку звонка, не забыв мельком взглянуть на часы. Все точно, уложились практически минута в минуту. Славик приметил, что на лестничной клетке установлены крошечные шарики камер видеонаблюдения.

Дверь открыл смуглый неприветливый тип, наверняка охранник. Кивнул Ивану и, не сказав единого слова, отбыл куда-то в глубь огромной квартиры, занимавшей чуть не весь этаж.

– Куртку можешь оставить здесь. Иди за мной, гостиная – прямо. Я буду работать переводчиком, ты ведь языка не знаешь.

Жил босс с удобствами: в двух проходных комнатах старинная мебель, фортепиано с открытой крышкой, картины в тяжелых рамах – и это явно не дешевые репродукции, а оригиналы. Лепка на потолках, изразцовые каминные. Дом старый, постройки конца XIX или первого десятилетия XX века; в квартире едва заметно пахнет корицей и дымом трубочного табака.

– Madame, Messieurs, bonjour. Permettez-moi vous présenter monsieur Antonov de Saint-Petersbourg... – сказал Иван, войдя в гостиную. Зыркнул на Славика, добавил тише и на русском: – Что встал, проходи.

Трое. Пожилой господин в белом джемпере, сорокалетний здоровяк с бульдожьей челюстью и неприятным взглядом, в кресле у журнального столика – дама, ее Иван представил первой.

– Мадам Марина д’Эльбеф, познакомьтесь... Мистер Гордон Уоррингтон, профессор Национального шотландского университета, Эдинбург. – Ученым мужем оказался несимпатичный дядя с внешностью, больше подошедшей боксеру или вышибале. – Мсье Доминик Жоффри – хозяин этого гостеприимного дома.

Славик по очереди пожал руки всем троим, решил, что старикану надо сказать хоть что-нибудь, выдавил робкую улыбку и спросил:

– Очень рад... Вы случайно не родственник маршала Франции Жозефа Жоффра?

– О, мсье осведомлен в истории Первой мировой войны? – вздернул брови седой. – Прелестно... Да, я внучатый племянник маршала. Вы догадались потому, что увидели портрет?

Точно, картина с изображением седоусого военного с множеством орденов на кителе в комнате присутствовала, но Славик изначально не обратил на нее никакого внимания.

– Прошу вас, господа, присаживайтесь. Сейчас принесут кофе.

Действительно, мсье Жоффри на людоеда походил мало. Приветливый господин плотного сложения, хотя назвать его толстяком никак нельзя. Залысины на лбу, глаза серо-зеленые и хитрые, здоровый румянец. Улыбается не европейски-лучезарно, в соответствии с неписаным этикетом, а вроде бы искренне. На главу одного из кланов загадочных Грау похож меньше всего, скорее банковский служащий на пенсии, любитель повозиться в палисаднике и выпить хорошего вина в компании таких же пикейных жилетов. С внуками по воскресеньям в зоопарк, конечно...

Чтобы не создавать неудобной паузы, Жоффри сразу объяснил, кем являются его коллеги. Иван переводил.

Мадам д’Эльбеф – худощавая брюнетка, старающаяся выглядеть моложе своих сорока пяти, а то и пятидесяти лет, – отвечает в корпорации за информационное обеспечение, являющееся важнейшей составляющей бизнеса. Своего рода служба безопасности – устранение возможных утечек, работа с прессой, полицией и прочими структурами в случае накладок и так называемых «прорывов», когда сквозь «червоточины» в реальное объективное время проникают чужаки. Очень сложное направление, но мадам блестяще справляется, профессионал высочайшего класса.

Мистер Уоррингтон – главный исторический консультант проекта, про эпоху XII–XVI веков знает больше, чем ее обитатели. Человек абсолютно незаменимый, только благодаря его рекомендациям и уникальным способностям в области стратегического планирования корпорация в состоянии успешно работать на протяжении последних лет.

– Остается добавить, что аргусом являюсь только я, – закончил Жоффри. – Моя Дверь находится не в этом доме – рядом, в подвале церкви Нотр-Дам де Шанз, куда я имею постоянный доступ. Если вам, мсье Антонов, интересно – направление весьма любопытное, 1303 год по Рождеству Христову. Дверь связана с сетью аналогичных «червоточин» в Иль-де-Франс, Лотарингии и Нормандии, предположительно их десять или двенадцать, мы контролируем семь. Вы, если я не ошибаюсь, владеете двумя Дверьми?

– Одной, – уточнил Славик. – Вторая относится к категории так называемых «неидентифицированных» прорех, ее пришлось отдать вашему конкуренту, барону фон Фальц-Фейну из Лихтенштейна. Я не решился бы принять на себя такую ответственность.

– Очень жаль, – покачал головой Жоффри. – Неидентифицированные Двери представляют наибольший интерес. Впрочем, об этом мы побеседуем позже. Отдельно замечу, что мы предпочитаем называть господина Фальц-Фейна более корректно: барон не является конкурентом, он, скорее, независимый наблюдатель, с которым заключено молчаливое соглашение, – он не

вмешивается в наши дела, а мы не беспокоим его. Более того, при необходимости помогаем в решении затруднений, неизбежно возникающих при работе с Дверьми.

– И насколько часто происходят «затруднения»? – спросил Славик. – Я слышал об инциденте в Барселоне в двухтысячном году...

– Да, это была крайне неприятная история, – подтвердил Жоффри. – В своем роде уникальная, непредсказуемый «прорыв» с тяжелыми последствиями и большими жертвами. Сравнимый лишь с событиями в вашем родном городе несколько недель назад, не так ли?

«Господи Иисусе, про Репино-то они откуда знают? – изумился Славик. – Я был уверен, что дело засекречено!»

...– Скрыть подобные инциденты можно лишь от прессы и общественности, – подала голос Марина д'Эльбеф. Красивый гласисующий баритон, словно у Эдит Пиаф. – Обмен сведениями между тайной полицией и военными разных стран о происшествиях, связанных с аномалиями, происходит постоянно, не думайте, что спецслужбы относятся к проблеме Дверей без внимания. Я получила информацию из DGSE, разведывательного управления генерального штаба армии Франции, через день после уведомления от русских – все понимают, что в будущем никто не застрахован от повторения таких случаев, и общая безопасность зависит от осведомленности людей, работающих по данному направлению.

– Некоторые Двери могут преподносить нехорошие сюрпризы, – подтвердил мсье Жоффри. – Вы лично в этом убедились, господин Антонов. Могу я попросить вас описать, что вы видели? Гораздо интереснее выслушать непосредственного участника событий.

Славик помнил четкие указания своего покровителя из Большого дома, майора Алавера: постарайся завоевать доверие Серых и ни в коем случае не ври – поймать на лжи и противоречиях они смогут запросто, тогда пиши пропало, весь проект насмарку!

Пришлось рассказывать о репинской «медузе» со всеми подробностями. Жоффри передал Славiku лист бумаги и карандаш, попросив нарисовать выбравшееся из-за Двери животное. Славик, как сумел, изобразил, получилось похоже.

– Не знаю, – пожал плечами Уоррингтон, посмотрев на рисунок. – Бесспорно, альтернативная эволюция. Нашему миру существо не принадлежит.

– А какому тогда? – спросил Славик.

– Примерно семь процентов из числа известных Дверей ведут незнамо куда. Вы сами только что упоминали о неидентифицированных «червоточинах», как раз тот случай. Другие планеты, измерения... Исследования в данной сфере крайне затруднены, требуется аппаратура и оснащение, по уровню не отстающие от лучших образцов NASA.

– Но исследования ведутся?

Шотландец посмотрел на Жоффри, тот едва заметно покачал головой. Понятно, делиться этой информацией Грау пока не желают.

– Скажите, а насколько плотно вы сотрудничаете с КГБ? – неожиданно спросила мадам д'Эльбеф. – Не думаю, что постороннего человека, даже аргуса, пустили бы на место проведения секретной операции. А вы там чувствовали себя вполне уверенно.

– ФСБ, – машинально поправил Славик. – Старое название государственной безопасности не используется со времен СССР, уже восемнадцать лет. Обнаружив «медузу», они сами попросили меня о консультации – сказали, будто аргусы в таких делах незаменимы. Но я ничем не сумел помочь.

– Вы давали какие-либо обязательства?

– Хотите узнать, не завербовали ли меня? Нет. Была предложена схема взаимного содействия на случай «прорывов» – я единственный аргус Петербурга, других нет. Мне сказали, что хранителей Дверей не вербовали даже во времена Сталина, предпочитая сотрудничество вместо прямого подчинения. Из-за каких-то неизвестных мне «особенностей» аргусов. Не вижу

ничего предосудительного – вы, мадам, общаетесь с представителями военной разведки Франции, я со спецслужбами своей страны.

– Всё верно, молодой человек, – согласился Жоффр. – Только не увлекайтесь, чревато. Держите полицейских на расстоянии, никакого панибратства... Сейчас я бы попросил рассказать о своей Двери. Из вашего повествования я сделал вывод, что знакомство с обитателями исторической реальности состоялось и было успешным? Вы упомянули, будто в происшествии с «медузой» участвовал один из... гм... тамошних? Неужели вы решили адаптировать этого человека к современной реальности?

– Нет, что вы! Его зовут Трюгви Гуннарсон. Жрец-годи из дружины Рёрика Скёльдунга, я спас ему жизнь. А потом вышло так, что я прожил на *той стороне* около недели, в городе Альдейгьюборг, это по тем временам крупный купеческий центр.

– Интересно, интересно, – подался вперед Жоффр. – Без всякой теоретической подготовки? Без знания местных диалектов? Став аргусом всего несколько недель назад? И как же это получилось, объясните? Понимаю, мы надоели вам вопросами, но даю слово чести – когда вы начнете спрашивать, то получите самые развернутые ответы!

– Хорошо, – кивнул Славик. – По большому счету это была случайность. Причем сопровождаемая явлениями, объяснить которые я не могу.

– Постарайтесь ничего не упустить, мсье Антонов. Любая деталь может оказаться крайне важной...

* * *

Переговоры высоких сторон закончились только в половине второго дня – к этому времени голова у Славика начала слегка кружиться от выпитого кофе и обилия новых знаний. Следующее randevu назначили на послезавтра, среду 14 января.

Славик с Иваном вышли из парадной на бульвар Монпарнас, но отправились не к машине, а по переходу на противоположную сторону улицы – к кафе «Леон де Брюссель».

– Ты как хочешь, а я перекушу, – сказал Иван. – Работа толмача вызывает зверский аппетит, переводить-то надо не только быстро, но и адекватно. Мозги пухнут.

– Не у тебя одного, – отозвался Славик. – Закажи и мне что-нибудь горячее. Надеюсь, тут не гамбургерами кормят?

– Это Париж, олух. Здесь в «Макдональдсы» ходят только негры. Та-ак, что у нас в меню? Как смотришь на филе индейки с баклажанами и томатами?

– Положительно... Можно вопрос?

– Сколько угодно.

– Как по-твоему, прошло удачно? Я имею в виду разговор с Жоффром.

– Держался ты несколько скованно, вполне объяснимо. Разумеется, услышал далеко не всё, однако некоторые секреты мсье Доминик тебе раскрыл, а это значит, что перспективы сотрудничества благоприятные. Основная загвоздка в твоей неопытности и фатальной необразованности. Дуб дубом, уж извини. Впрочем, дело поправимое – книжки читай. Об окончательном решении тебе сообщат в среду.

– А что делать до среды?

– Устроим стандартную культурную программу. Лувр, Пантеон, Консерваторий Науки и Техники, хочешь, в Версаль съездим – на выбор. Времени у меня предостаточно, важных дел пока никаких. Сегодняшний и завтрашний дни можно посвятить обычным экскурсионным мероприятиям.

Отобедали. Готовили в «Леоне» вкусно, назвать заведение привычным каждому русскому словом «общепит» язык не поворачивался. После чая со сливками и горячего круассана, завершивших трапезу, Иван нарочно повел Славика в Нотр-Дам де Шанз – зачем, не объяснил.

Утренняя месса давно закончилась, прихожан в готическом храме не было, разве что троица не то японских, не то корейских пожилых туристов.

– Первая церковь на этом месте появилась около тысячи лет назад, при короле Робере Втором Благодетелем, – тихо объяснял Иван. – Монахи-бенедиктинцы построили обитель, Монпарнас не входил тогда в городскую черту, тут возделывали виноградники... В семнадцатом веке здания монастыря передали испанским кармелиткам. Во время Французской революции церковь разрушили до основания, когда приход возобновил работу, всё пришлось отстраивать заново – нынешний храм заложили в 1867 году и освятили через восемь лет...

– Красиво, – согласился Славик, оценив роскошные витражи справа и слева от алтаря, росписи по стенам и статую Мадонны с Младенцем в центре. – Никогда раньше не был в католической церкви. Как в кино про мушкетеров...

– Походи здесь, посмотри. Почувствуешь необычное, скажи мне.

– А что я должен почувствовать?

– Слушай себя.

Славик медленно двинулся вдоль западной стены, рассматривая фрески, в основном посвященные деве Марии. Мария и архангел Гавриил, Мария у Голгофы, Вознесение Марии... Запнулся у входа в капеллу святого Иосифа, по левую сторону.

Что такое?

Описать это ощущение было сложно. Тихое-тихое гудение, как трансформатор работает. Вроде бы стало чуть теплее, словно летним ветерком пахнуло. Чудится, или это легкий запах озона, неуместный в храме с устойчивым ладанным ароматом?

В голове словно щелкнул невидимый тумблер и мозаика вдруг сложилась.

– Дверь? – Славик резко повернулся к Ивану. – Там, внизу, под плитами?

– Именно. Та самая, о которой говорил мсье Жоффр. Ты сумел определить ее точное местонахождение. Сам, без подсказок. Говоря откровенно, Жоффр попросил отвести тебя в церковь, проверить. Сработало. Ты на самом деле аргус, что и требовалось доказать. К примеру, я вообще ничего не чувствую.

– Я теперь тоже – звук исчез.

– Это уже не важно... Ладно, тест пройден, можем ехать. Если устал, вернемся домой, если хочешь погулять, говори, куда отправимся.

– Черт, я фотоаппарат не взял.

– Не чертыхайся в храме, лет пятьсот-шестьсот назад из-за таких слов у тебя могли бы возникнуть самые фатальные проблемы. Я иногда жалею, что инквизицию отменили – приходилось работать с этими ребятами на *той стороне*, профи каких поискать, исключительные люди... А цифровик мы прямо сейчас тебе купим, магазин совсем недалеко. Спрячь кредитку, ты находишься на моем обеспечении вплоть до посадки в самолет.

– Точнее, на обеспечении корпорации и мсье Жоффра?

– Можно сказать и так. Вопрос прежний: что хочешь посмотреть?

– Солнечная погода, можно на Эйфелеву башню забраться. Она открыта для посещения сегодня?

– Эх ты, турист... В Париже есть куда более интересные места. Договорились, едем. Желание босса – закон.

– Я не твой босс.

– Думай что хочешь, смысла это не меняет.

* * *

Культмассовые мероприятия в понедельник и вторник прошли уныло. Лувр как Лувр, Джоконда как Джоконда. Нечто наподобие обязательной экскурсии в Третьяковку во время

поездки в Москву со школьной экскурсией. Куда любопытнее было другое – разговаривать с Иваном, охотно и развернуто отвечавшим на любые вопросы. Вернее, почти любые.

По этой причине ограничились Консерваторием и Лувром, все оставшееся время просто гуляли – Люксембургский сад, Елисейские Поля, набережные... Погода позволяла – середина января выдалась солнечной, похолодание и снегопады обещали только во второй половине недели.

– По меркам четырнадцатого века, мы находимся за чертой города, – Иван вытянул руку, указывая на остров Ситэ. Они стояли на мосту Руаяль, ближе к набережной Жоржа Помпиду, парк Тюильри оставался по левую руку. Отсюда открывался наилучший вид на историческое сердце Парижа. – Видишь две башни собора Парижской Богоматери? Тогда они уже были построены, а сам собор закончили только в 1345 году. Кажется, это единственная деталь пейзажа, не изменившаяся с тех времен.

– За чертой города? – повторил Славик. – А что здесь было?

– На месте Тюильри находился королевский сад и огороды, предназначение самое банальное: снабжение свежими продуктами двора его величества Филиппа Капетинга. Городская стена проходила там, где сейчас мост Карузель, следующий после Руаяля.

– Метров двести отсюда, – оценил Славик. – Значит, Париж семьсот лет назад был совсем небольшим городом?

– Это ты зря. По меркам эпохи – огромный мегаполис. Почти двести тысяч человек населения, крупнейший торговый и политический центр. Мало что осталось из старых зданий, почти ничего – Нотр-Дам, капелла Сен-Шапель, да фактически и всё. Луврский замок был совсем другим, не дворцом, как сейчас, а именно крепостью. А вот там, – Иван посмотрел на север, – за стенами Парижа стоял Тампль, резиденция Ордена Храма и сокровищница короны.

– По-моему, это неразумно, устраивать сокровищницу вне города. А если война?

– Ты не видел Тампля – четыре угловые башни, шатровая крыша по центру, бастион с двумя дополнительными башенками. Серьезное фортификационное сооружение, способное выдержать длительную осаду. Замок простоял пять столетий и был снесен только в 1808 году. Внушает невольное уважение. Признаюсь сразу, тогдашний Париж мне симпатичнее современного, несмотря на антисанитарию и, выразимся языком современным, неблагополучную криминогенную обстановку.

– Что, так плохо было?

– Ты про общественную гигиену или про бандюков?

– И то, и другое.

– Преступность была всегда, тут ничего не поделаешь. Но хорошо вооруженный и подготовленный человек мог спокойно ходить по ночным улицам весьма нереспектабельного квартала Марэ – между прочим, в тысяча двухсотых годах на его месте находилось болото, осушенное именно обитателями Тампля, храмовниками. Служба прево Парижа, что-то вроде тогдашней городской полиции, далеко не всегда справлялась... С антисанитарией хуже, сам понимаешь: канализации никакой, открытые стоки на улицах и выгребные ямы. Сын короля Людовика Шестого как-то упал с лошади в сточную канаву, подхватил неизвестную заразу и умер. Запахи соответствующие, туда еще и мусор выбрасывают.

– Фу, – Славик поморщился. – Ты сам-то *там* ничего не подхватил?

– Полный комплект прививок, можно не бояться. Если тебе придется отправиться со мной, вакцинацию пройдешь в обязательном порядке.

– От чумы прививку не сделаешь.

– А это и не обязательно. Черная смерть, самая массовая эпидемия, придет только в 1346 году, почти через сорок лет. Мы успеем. Кстати, не расстраивайся, дело обстоит не так плохо, как ты думаешь: в Париже того времени было целых двадцать шесть общественных бань, некоторые – очень даже приличные.

– Ты что же, серьезно думаешь, что нам... Мне предстоит воспользоваться Дверью мсье Жоффра? Без меня – никак?

– На этот вопрос нет ответа. Пока ничего не решено. Но ты – аргус, твоя помощь может оказаться неоценимой.

– Это почему?

– Не задавай глупых вопросов.

– Это без знания языка и местных обычаев? Если меня даже вполне вменяемые скандинавы чуть не прирезали, а что говорить о Средневековье! Времена-то самые суровые.

– Обычаям и правилам поведения можно научиться. С языком сложнее. В крайнем случае, представим тебя дворянином откуда-нибудь из... Из... Да хоть из Византии, что недалеко от истины.

– И меня тотчас сцапает инквизиция за то, что православный.

– Ох, бестолочь. Да плевать на тебя инквизиции с крыши Нотр-Дам! Православные – не еретики, а схизматики, то есть раскольники. Две огромные разницы. Было однажды дело, православного попа спалили, но этот случай относится к статистической погрешности и произойдет лет через двести после смерти короля Филиппа – и то, батюшка попался в лапы к полным отморожкам, оказавшись в плохое время в плохом месте. Если бы жгли всех византийцев, приехавших по делам в Рим, Регенсбург или Марсель, торговля в Европе быстро прекратилась. Плюнь, никто и внимания не обратит.

– Мне остается только поверить.

– Врать я не стану, смысл? Куда теперь пойдем?

– В Ситэ, – уверенно ответил Славик. – Раз уж это действительно «сердце Парижа». Хоть осмотрюсь. На будущее. Точнее, прошлое.

Иван только фыркнул:

– Тогда вперед по набережной, до Нового моста. Название забавное – на самом деле это старейший каменный мост Парижа, его построили при короле Генрихе Наваррском и открыли в 1607 году.

– Том самом Наваррском?

– Ага. Который из «Королевы Марго».

* * *

В среду днем Славик вышел из дома на Рю де Монпарнас в состоянии тяжелой информационной контузии, осложненной сознанием того, что вот теперь-то, вот прямо сейчас, дороги назад нет и отступления на пресловутые «заранее подготовленные позиции» не предусмотрено. Извините.

Теперь вы, Вячеслав Михайлович, акционер серьезной корпорации. Настолько серьезной, что дух захватывает. Как раз о таких предприятиях и говорят – «вход рубль, выход два».

«Босс Славик», позвольте отрекомендоваться. В личном подчинении два человека технического персонала – Иван и еще какой-то незнакомый пока парнишка из местных французов, вроде специалист по материальной части. Доступ к внутренней компьютерной сети (пускай и с некоторыми ограничениями), допуск в «совет директоров», возглавляемый Домиником Жоффром, но опять же не полный – лишь право совещательного голоса при принятии важных решений. По большому счету не так уж и много, но и этого достаточно.

Ответные обязательства выглядели не слишком тяготящими и затратными: возможность при необходимости пользоваться Дверью на Мойке для друзей господина Жоффра, трансфер определенных «грузов» опять же при помощи Двери, взаимобмен интересующими сведениями. Секретность, разумеется. Поддержание строжайшего нейтралитета с прочими аргусами, не разделяющими интересов Грау. Выглядит довольно безобидно.

Все зависит лишь от того, в каких целях Грау решат использовать славикову Дверь – дополнительных соображений на этот счет Жоффри не высказывал, заметил только, что поразмыслит.

Зато Славик, вторично пожаловавшийся на пугающие странности, встреченные им в районе устья Невы в IX веке, быстро получил помощь – если не физическую, то хотя бы советом.

...– Третьего дня вы кратко рассказывали о «дикобразе» и так называемой «Тени», – кивнул мсье Жоффри, выслушав просьбу. – Теперь извольте объяснить во всех подробностях. Итак, вы решили обследовать пространство за Дверью, верно?

– Да, – подтвердил Славик. – Первая разведывательная экспедиция. Я тогда и представить не мог, что на *той стороне* «историческая реальность», думал, это просто некий разрыв в пространстве, наподобие порталов из фантастического кино.

– И что вас насторожило в первую очередь?

– Полное отсутствие любых признаков цивилизации, прежде всего техногенного мусора. В любом лесу вы обязательно найдете фантик, старую консервную банку, обрывок проволоки или гильзу от охотничьего ружья...

– Похвальная наблюдательность, мсье Антонов, – согласился Жоффри. – Чудесно. Дальше? Вспомните о самых незначительных деталях, в противном случае я и господин Уоррингтон не сумеем вам помочь. Описано достаточно много паранормальных явлений, наблюдаемых рядом с «червоточинами», далеко не все из них поддаются объяснению с точки зрения современной науки, но кое-что мы знаем, а самое главное – владеем технологиями защиты. Излагайте.

Славик рассказал. О жутковатых звуках, появившихся в приречных чащобах, о «волне» непонятной мглы, накрывшей лес, о собственных малоприятных ощущениях – частичной потере зрения, помутнении сознания, резком падении температуры рядом с Дверью, как раз там, где противная зверюга, называемая скандинавами «хелльдирром», атаковала Трюггви-годи.

Закончив, Славик закатал рукав джемпера и показал следы от собственных зубов на предплечье – тогда пришлось от души цапнуть самого себя за руку, резкая боль позволила сбросить одурь и прорваться к Двери.

– Объект был материален? – уточнил шотландец. – Я имею в виду животное?

– Материальнее некуда. Чуть не оттапал руку Трюггви и порвал когтями мою одежду. Думаю, он оказывал на меня некое гипнотическое воздействие.

– Возможно. Вы потом спрашивали местных жителей о том, что они сами думают по данному поводу?

– Трюггви с Кетилем в один голос уверяли, будто земли под Альдейгьюборгом «испортились» и боги оттуда ушли. Трюггви посвященный жрец, знает, о чем говорит. Эти люди чувствуют изменения в природе гораздо острее нас.

– Собственные версии о происхождении «дикобраза» и причинах появления «Тени» у вас возникали? Вы обсуждали это с кем-нибудь?

– Ну... С друзьями, которые знают о Двери. Реликтовый зверь, в настоящее время давным-давно вымерший, вот единственное разумное предположение. Но я почитал в Интернете справочники по палеонтологии, не нашел ничего похожего!

– И не могли найти, – хмыкнул мсье Жоффри. – Вы сразу же пошли по неверному пути, сделав универсальный вывод из единственного ложного тезиса.

– Простите, я не совсем понял?..

– Это благодаря неопытности, ничего страшного. Давайте построим простейший силлогизм. Посылка первая: дважды, пусть и в разные эпохи, в одном районе появляются неизвестные и опасные существа, не похожие на животных с Земли. Посылка вторая: в этом же районе находится неидентифицированная Дверь. Модус выведете сами или помочь?

– Господи боже, – Славика как ломом по голове шарахнуло. – История с «медузой» в Репино, да? Она вылезла из второй Двери!

– Вот видите, как все просто, мсье Антонов? Насколько далеко от места происшествия находится Дверь номер два?

– Километров тридцать пять—сорок по прямой, к северо-западу, за рекой. Недалеко от берега Финского залива.

– Для крупного хищника это не расстояние. Вторая половина вашего наследства, ныне столь опрометчиво переданная во владение господину барону фон Фальц-Фейну, как выясняется, довольно опасна. Дверь в этом вашем Репино неконтролируема, существа с *той стороны* находят возможность проникать через «червоточину» в наш мир, а большинство подобных тварей, как я упоминал, обладают способностями, превышающими стандартно-эволюционные. Разумеется, я имею в виду стандарт *земной* эволюции. Вот где корень неприятностей, обрушившихся на ваших друзей из Альдейгьюборга. С вероятностью в девяносто девять процентов. Теперь сообразили?

– И что же делать? – выдавил Славик. – Кроме того, ладно бы один хелльди́рр, зверь, – а как же чей-то рев, разносившийся по лесу? «Тень», наконец? А история на скандинавском капище в самом Альдейгьюборге, когда что-то или кто-то убило сразу несколько человек самым диким и кровавым способом?

– Кто вам сказал, что «дикобраз» там один? Допустим, в период наивысшей активности Двери номер два, сквозь «червоточину» сюда проникли сразу несколько тварей разных биологических видов? Никто из нас не имеет и малейшего представления, что за мир находится *по ту сторону*, а исследования невозможны... Точнее, возможны, но сопряжены с огромными техническими трудностями – сами подумайте: доставить автоматические зонды в Петербург, через Дверь в вашей квартире переправить в историческую реальность девятого века, отыскать ту самую «червоточину» в сорока километрах, установить аппаратуру слежения. Гигантские расходы с минимальными шансами на успех.

– Постойте! Вы сказали – зонды? Аппаратура? А как же обязательное правило – никакой современной техники с собой?

– В случае с неидентифицированными Дверьми этот пункт отменяется и на первое место выходят соображения безопасности. Еще неизвестно, удастся ли переправить на *ту сторону* хоть один зонд – обычный гусеничный робот-шпион, наподобие машин-саперов, с помощью которых вы сожгли монстра в Репино. Учтем, что за Дверью может быть агрессивная внешняя среда, бродят хищные животные и прочее и прочее. Мало кто из аргусов осмеливался соваться в другие миры, еще меньшее их количество вернулось обратно. Я знал только одного, и тот на сегодняшний день отошел от дел по причине ранней и очень подозрительной смерти – неизлечимое и недиагностируемое заболевание...

– Вы нарочно меня пугаете? – нахмурился Славик.

– Предостерегаю. Видите разницу? А на вопрос «что делать?» я отвечу так: постарайтесь в ближайшие недели наладить с вашими приятелями из Альдейгьюборга устойчивую связь – пока идет подготовка к основному проекту, я пришлю в Петербург господина Проченкова, вместе сходите взглянуть на окрестности второй Двери. С надлежащим оборудованием и оснащением. Даниров следовало бы попросить прикрыть со спины, вдобавок они знающие охотники.

– Трюгви и остальные боятся зверюг как огня – считают их волшебными! Любое колдовство в их культуре – нечисто!

– Они недалеко от истины. Но если удастся встретиться, постарайтесь разубедить – в конце концов для менталитета человека девятого века тролль, лесовик или дракон являются частью окружающей реальности, а летучий огнедышащий змей наподобие сраженного Сигурдом Фафнира значительно опаснее какого-то дикобраза... Всё поняли?

– Постараюсь, – сказал Славик. – Спасибо за консультацию.

– Не за что, мсье. Теперь мы обязаны поддерживать друг друга.

Обсудили технические аспекты сотрудничества – в первую очередь мсье Жоффри поинтересовался, не испытывает ли новый коллега нужды в деньгах. Если понадобится, на счет Славика в любом банке переведут приличную сумму. Славик, подавив мимолетное искушение, ответил, что материальных трудностей прямо сейчас нет. Он вполне удовлетворится оговоренными десятью процентами от общего дохода после проведения «основной операции», начало практической реализации которой Жоффри наметил на грядущее лето.

...– Подробности пока вам будут неинтересны, – пресек Жоффри объяснимое любопытство Славика. – Могу лишь уточнить, что основная акция намечена на первое десятилетие четырнадцатого века, королевство Франция, возможно Шотландия. Можете приниматься учить среднефранцузский язык.

– Какой-какой?

– Иван вам все объяснит. Весьма рад был познакомиться, мсье Антонов. Вы производите впечатление перспективного аргуса и разумного человека, хотя после первой встречи в Петербурге господин Перек был удручен и разочарован вашим поведением и неумными запросами... Признайтесь, вы его разыграли?

– Да, разыграл. Не знал, чего от вас ждать.

– Теперь опасения развеяны, надеюсь?

– В значительно мере, мсье.

– Но не полностью? Похвально. Я бы на вашем месте тоже не стал доверять абсолютно, это показало бы, что вы не слишком умны. Доверие возникает только при успешном и долгосрочном сотрудничестве. Что ж, позволю себе вас далее не задерживать – проведите последний день в Париже приятно, сходите в «Красную мельницу», к примеру. Я знаком с директором «Мельницы» и закажу вам с Иваном лучший столик. Ревю начинается в восемь вечера...

Глава вторая

Короткое замыкание

12 января 2009 – 14 сентября 1939

Санкт-Петербург—Ленинград

Поленившись разыскивать ключи в карманах пуховика, Славик позвонил в домофон, но ответа не получил – надо думать, Алёны дома нет. В аэропорту не встретила, набрал в маршрутке номер сотового – трубку не берет. Не случилось ли чего? Впрочем, прошлым вечером созванивались, все было в полном порядке.

Спит? Наверное.

Открыл дверь контактным ключом, начал подниматься по лестнице. На пролете между первым и вторым этажом наткнулся на улыбчивую парочку – чистенькая бабуля и молодой человек в плаще и при галстучке. В руках цветастые журнальчики.

– Можно к вам обратиться? – проворковала бабуля.

– Ну?

– Что вы думаете об отношениях человека с Богом?

Понятно. Свидетели Иеговы – ходят по квартирам, охмуряют. Не первый раз уже. Какой идиот им парадную открыл?

Такого рода публику Славик терпеть не мог, номинально считая себя православным, а потому выбрал наиболее действенный способ борьбы с надоедливymi сектантами, всегда работающий безотказно. Сдвинул брови, изобразил на лице самое зверское выражение и процедил:

– Аллах акбар!

Свидетели, не произнеся больше и звука, скатились вниз чуть не кубарем. Мелочь, а приятно.

В квартире тихо. Алёнины сапоги, куртка и дурацкая вязаная шапочка с помпоном и канадским кленовым листом на месте, значит, и впрямь спит, несмотря на половину четвертого дня.

– Ау? – провозгласил Славик, повернувшись в сторону спальни. – Есть кто живой?

Тишина. Быстро расшнуровал ботинки, сбросил рюкзак в угол. В комнатах пусто, ванная не занята. На кухне никого, хотя чайник теплый – его кипятили около получаса назад. Что за чепуха?

Батюшки. Дверь!

Ринулся в коридор и чуть не сбил с ног искомую Алёну – она как раз вышла с *той стороны*. Легкомысленный халатик с лондонским Биг-Бэном и овечками, под халатом купальное бикини. В руках – серегин карабин «Сайга». Сюрреализм.

– Ты что там делала? – выдохнул Славик.

– Во-первых, здравствуй.

– Привет. Ходила за Дверь? Зачем?

– Загорала.

– ЧТО?? – Славик поперхнулся воздухом. – За... Загорала?

– Именно. Погода стоит шикарейшая, середина лета как-никак. Надоел промозглый январь.

Славик вытер выступивший на лбу пот ладонью, матюгнулся под нос и бессильно опустился на кухонный табурет.

– Одно радует: я не обнаружил там твой белый скелет, начисто обглоданный какой-нибудь зубастой тварью. Блин, ну надо же головой думать! Ты что, каждый день туда ходила?

– Представь себе, – обиженно ответила Алёна. – Что может случиться? Оружие под рукой, от Двери я не удалялась, поляна прекрасно просматривается. При любом подозрении на опасность – мигом домой.

– Не замечал за тобой раньше тяги к суициду! Ты понимаешь, что...

– Понимаю. И не надо на меня гавкать! Считаю, я выполняла работу наблюдателя, а не только валялась на солнышке! Не целыми же днями в квартире сидеть?

– Извини... – Славик вздохнул. – В любом случае риск совершенно неоправданный. Нельзя в одиночку соваться на *ту сторону*! Нельзя и точка! Мне в Париже таких ужасов рассказывали про Двери!

– Вот и просветишь потом. Обожаю страшилки, а Стивен Кинг так и вообще любимый писатель. Обедать будешь? Я голубцы утром сделала.

– Нет, попозже. Кофе сварю. И отдай карабин, спички детям не игрушка... Господи, ты бы его хоть на предохранитель ставила! Удивляюсь еще, что за эти пять дней от дома груды дымящихся развалин не осталось!

– Не преувеличивай мои скромные возможности. Кое-что занятное, однако, я там приметил. И услышала. Тебе интересно?

Эх, вроде бы взрослая девица, а иногда ведет себя хуже самого избалованного ребенка, уверенного в том, что жизнь вечна, и даже если сунешь палец в розетку, ничего особенно страшного не случится! Эти взрослые всё врут про какое-то электричество – электричество оно в лампочке или в телевизоре... Скучно ей было, видите ли!

Если вкратце: Алёна, как человек физически не способный долго предаваться праздности, решила, что схема времяпровождения современной обеспеченной домохозяйки – сериалы, спа-салоны, парикмахер, бутик, солярий – ей глубоко противна, а потому надо занять себя чем-то полезным. Дверь в качестве основного объекта приложения усилий безусловно оставалась на первом месте списка приоритетов, но тут как нельзя кстати Алёне вспомнилось клятвенное обещание Славика однажды взять ее с собой, в Альдейгьюборг, погостить у Трюгви в датской слободе. Без надлежащей экипировки туда не сунешься – не поймут, ибо как выяснилось, даниры обладают весьма тонкой душевной организацией: благочиние для них прежде всего. Внешнего облика человека это тоже касается в полной мере.

... – Сколько это все стоит? – охнул Славик, когда Алёна отвела его в спальную. На диване были разложены несколько женских костюмов из льна и тонкой шерсти, и платья один в один напоминали те, что носили обитательницы Альдейгьюборга. Здесь же матово посверкивали серебром гривны и серьги, фибулы, нитки с разноцветными стеклянными бусами и бронзовыми подвесками, пояски. – Откуда?

– Покопалась в Интернете, нашла на сайте «Мир древностей» мастеров из историко-реконструкторских клубов, занимающихся восстановлением материальной культуры, предложила за готовые изделия хорошую цену – считай, в полтора раза сверх исходной, только бы доставили на дом. Не поверишь, один парнишка-ювелир аж из Москвы примчался, я оптом взяла. Шикарную лекцию о древней Скандинавии мне прочитал, пока кофе пили. Знай он, куда ведет Дверь в коридоре – кондрашка бы хватил... И одежда, и украшения точно соответствуют копаным образцам девятого-десятого веков, никакой самодеятельности и фантазии. Платья пошиты на руках, машинных швов нет. Тебе тоже несколько вещей купила, пригодятся – Трюгви считает тебя местным жрецом, выглядеть ты должен соответственно.

– Сколько? – повторил Славик.

– За все вместе – чуть больше пяти тысяч долларов.

– Моя зарплата в цеху за полгода, – задумчиво протянул Славик. – Сильно.
– Не дергайся, я со своей карточки деньги сняла – Грау ведь вернули всё до последнего пенни.

– До копейки, – машинально поправил Славик. – Отучайся от буржуинского жаргона.
– Ты что же, не рад?
– Почему, рад. В Старую Ладугу нам обязательно следует наведаться, но не сейчас, а когда Ваня приедет...

– Ваня? А, это тот мужик, который тебя в Париже принимал? Серый? Ты упоминал по телефону вроде бы...

– Он. Расскажу. А ты давай колись, зачем полезла за Дверь?

– Пойдем на кухню.

Оказывается, Алёна проводила на *той стороне* по три-четыре часа ежедневно – купила шезлонг, поставила в полутора метрах от невидимой границы, отделявшей «историческую реальность» от реальности нынешнего Питера, взяла с собой такие полезные предметы, как видеокамера, карабин и крем для загара. Совмещала приятное с полезным.

Цель была поставлена... Скажем прямо: неопределенная цель. Алёна знала, что на *той стороне* иногда можно стать свидетелем неких престранных явлений – взять хоть «Тень», о которой Славик все уши прожужжал. Ну а раз так, надо попытаться зафиксировать аномалию с помощью камеры. Почему бы и нет, в конце концов? Лишние свидетельства не помешают.

– И? – Славик вздернул правую бровь. – Получилось?

– Получилось, да не совсем то, – серьезно ответила Алёна. – Сам знаешь, в мистику я не верю, любые необычности рассматриваю с точки зрения незамутненного прагматизма. Подожди минутку, заберу камеру оттуда...

– Давай вместе.

Дверь широко распахнулась, в лицо Славику ударил яркий солнечный свет – ощущение самое фантастическое, жаркое летнее солнце посреди зимы.

Поляна ничуть не изменилась. Ледниковые валуны, цветущий клевер, боярышник на краю лужайки, старая сосна, березы. В полутора сотнях метров к северу поднимается стена мрачного елового леса. Пахнет сеном и пылью. Шмель жужжит.

Красотища.

– Вот это ты зря, – Славик нагнулся и поднял валявшуюся у разложенного шезлонга пластиковую бутылочку из-под минеральной воды. – Нельзя оставлять здесь современные артефакты из стойких материалов.

– Прости, не доглядела, – Алёна подобрала лежавшую в тени правого темно-красного гранитного каменюки, являвшегося одной из «створок» Двери, небольшую цифровую видеокамеру. – Все окурки, кстати, я выбрасывала, возвращаясь в квартиру, старалась не сорить. Хватай шезлонг, возвращаемся. Если ты против, эксперимент я прекращаю.

Славик пропустил верную подругу вперед, шагнул в дом, дважды провернул ключ, подергал Дверь. Заперто. Все-таки в XXI веке чувствуешь себя куда увереннее.

Вытащив из камеры карту памяти, Алёна вставила ее в слот обитавшего на кухне ноутбука. Три записи, одна длиной в одиннадцать минут, две других по пять-семь. Негусто, объем информации мизерный.

– Позавчерашняя съемка, – Алёна открыла видео. – Около полудня местного времени, солнце стояло в зените. За такие кадры мне Пулитцеровская премия полагается. И долгое лечение в неврологической клинике где-нибудь в Швейцарии. Профинансируешь?

– Да в чем дело-то? – нахмурился Славик. – Давай снимай с паузы!

Обычная любительская съемка – профессионализмом тут и не пахнет. Изображение подергивается, плюс Алёна злоупотребляет зумом – то ближе, то дальше.

Первые кадры: неумелая панорама насквозь знакомой полянки. В динамиках ноута возник Алёнин голос:

– Что за ерунда?.. Оно где-то тут, но я его не вижу...

Отдаленный хруст веток, будто кто-то тяжелый и крупнотелый продирается сквозь кусты. Судя по движению, снимающий отступил на шаг к Двери, виден краешек шезлонга и часть серого валуна справа.

– Лучше бы это был медведь... – голос Алёны трехдневной давности слегка подрагивал. – Тут же водятся медведи, верно?

Щелкнула клавиша мышки, изображение на мониторе застыло. Алёна сегодняшняя как ни в чем не бывало откомментировала:

– Минут за семь до начала съемки я расслышала непонятную возню в лесу – белки застрекотали как оглашенные, сороки разорались. Ничего необычного, вдруг рысь? Зверья там несчитано, на поляну однажды лось забрел, а потом олениха с детенышем. Я уже и не удивлялась.

– Дальше?

– Оно приближалось, судя по звукам. Я взяла камеру, включила. До последнего надеялась, что это мишка или тур. Дверь-то вот она, один шаг – сразу сбегу и закрою с нашей стороны... Гляди.

На видеозаписи обозначилось нечто курьезное: у края лужайки появилась размытая тень, полупрозрачное создание, которое, имея хорошее воображение, можно было бы принять и за человека, только очень уж здорового: метра три с половиной от пяток до макушки – это Славик вычислил по высоте березы, на которой когда-то закреплял радиопередатчик. Но во-первых, сквозь людей окружающий пейзаж не просвечивает, а во-вторых, походка у призрачного существа была дерганой, будто у курицы. Так человек не ходит.

Алёна снова поставила паузу. Взяла чайную ложку, черенком коснулась экрана ноутбука.

– Вот вроде бы удачный кадр. Силуэт оценил? На первый взгляд – две ноги, две руки, и даже голова есть. Только это не голова. Слишком маленькая, несоразмерная, бугорок над плечами...

– Не разглядеть, – Славик помотал головой. – Желе какое-то двуногое. Что-то вроде Хищника из фильма, когда Хищник поляризующий камуфляж включал. Может, это он и есть?

– Дурак ты, и шуточки у тебя дурацкие. Вот еще: оно ходило примерно в пятидесяти-шестидесяти метрах от меня. Но я все равно почувствовала холод. Волнами накатывал... На меня скотина никакого внимания не обратила, но я мигом собралась обратиться в позорное бегство. Смотри дальше, сейчас будет самое интересное!

Нечто, подергиваясь и приседая (было очень плохо видно), прогулялось по краю лужайки, ткнулось в молодой ельник, будто слепой щенок, отошло назад, развернулось (создалось впечатление, что по линии леса нанесли мазок кисточки с акварельной краской), шагнуло прочь от Двери. Динамики донесли тоненький скулеж, ни дать ни взять – голодный щенок. Изображение увеличилось до максимума.

Существо проковыляло в сторону сосновой рощицы по восточной стороне, толкнуло одно из деревьев, сосенка с треском повалилась. Спустя полминуты призрак исчез – ушел в чащобу.

– Оно живое, – констатировала Алёна. – Это не морок, не призрак и не компьютерная графика. Это та самая чертовщина, о которой нам говорили Трюгви с Кетилем. Порча, навешенная на приладожские земли незнаком кем и незнаком как.

– Почему же «незнамо»?.. Можешь прямо сейчас переслать файл по электронной почте на определенный адрес?

– Кому?

– Грау. Их боссу. Серые определили вероятный источник «порчи», и я склонен им верить. Пришлось рассказать о приключениях возле бабушкиной дачи...

– Неужто?

– Мсье Жоффри уверяет, что гадость лезет из Двери под Репино. Она и тогда, тысячу двести лет назад, существовала...

– Забавно... Славик, давай решать проблемы по очереди: ты сейчас переоденешься и пойдешь в душ, я подогрею голубцы, а уж потом в подробностях объяснишь, кто такой этот самый Жоффри и как ты вообще выжил в кошмарной Франции, куда так боялся ехать. Поднимайся, приводи себя в порядок! Вещи оставь у стиральной машины, ими я займусь вечером!

«Хозяйка в доме, – усмехнулся про себя Славик. – Очень хорошо, когда о тебе заботятся. А прежде всего – разделяют твои интересы».

– О'кей. Я мыться. Ключ от Двери оставлю где обычно, в книжном шкафу...

* * *

Правила техники безопасности при работе с «червоточинами» прямо указывали: если на *той стороне* (вне зависимости от эпохи и направления) наблюдаются угрожающие события или явления, аргусу следует воздержаться от походов в «историческую реальность» и тем более запретить своим помощникам-ассистентам пользоваться Дверью.

Степень угрозы аргус определяет самостоятельно – война, природная катастрофа, массовая эпидемия, разгуливающие в окрестностях Двери хищные животные (или, к примеру, разбойники-люди) – да всё что угодно! Можно пострадать самим и подставить под удар других, ничего не стоит занести *оттуда* в наш век натуральную оспу, прививки от которой перестали делать в 1980 году – неожиданная вспышка оспы может убить тысячи людей и в XXI веке.

Ну а если за Дверью происходит откровеннейшая чертовщина, до прибытия специалиста лучше бы вообще ничего не предпринимать. В этом смысле Славик и высказался, заново пересмотрев ролик с «призраком» и два оставшихся коротких файла – в последнем случае странных существ Алёна не зафиксировала, зато сумела записать неприятный звук, так потрясший Славика во время первого длительного путешествия в невскую дельту образца тысячадвухсотлетней давности.

– Кто может так жутко орать? – Славик озадаченно потер подбородок, когда в колонках ноутбука отзвучали последние всхлипы и стенания невидимой твари, оглашавшей прибрежные леса наводящим дрожь плачем, перемежающимся низким гулом, смахивающим на выброс пара ТЭЦ. – Удивляюсь, что ты не бросила всё и не сбежала домой... Я едва в штаны не наложил, когда первый раз услышал!

– Страшновато, споров нет, – кивнула Алёна. – Ты случайно не замечаешь в этих завываниях некую неестественность?

– Еще бы не заметить! Нечасто в повседневной жизни слышишь саундтрек к низкобюджетному фильму ужасов!

– Ты не понял. Помнишь, в ноябре ты уверял, будто этот звук порожден не живым существом, а неким механизмом?

– Исключено. В девятом веке нет и быть не может таких устройств! А версия о природном происхождении не прокатывает. Перемещение водных пластов в болотах? Чепуха! Что-нибудь необычное в атмосфере? Маловероятно. «Неестественность», однако, очевидна: слишком громко, низкие ноты почти на пределе инфразвука, цикличность – гудение-рыдания, потом снова... А если попробовать прогнать на более высокой или низкой скорости?

– Я не специалист-акустик. Наверное, и впрямь следует отослать записи твоим парижским знакомцам, вдруг опознают? Есть у меня одна догадка, которая полностью соотносится с выкладками о Двери в Репино. Раз она нестабильна и «прорывы» с *той стороны* – дело обычное, следует предположить, что очередной «прорыв» сопровождается подобными эффектами.

Вдруг в мире за репинской Дверью другое атмосферное давление? При открытии возникает мощный воздушный поток, отсюда и рев...

– Без понятия, – отрекся Славик. – Сомнительно. Расстояние – почти полсотни километров, мы бы ничего не услышали. Но за неимением других версий примем за основную. Сейчас я найду адрес, отправь все наработки. Пускай у мсье Жоффра голова болит...

– Сейчас сделаем. А ты пока рассказывай, как съездил. Небось масса впечатлений?

– Не без этого... Ой, я же подарки привез! Где рюкзачок? В прихожей?

– Только не говори, что купил мне «Шанель № 5», я этого не переживу!

– Ну что за пошлятина? Иван помог выбрать...

– Надеюсь, хоть у него есть вкус.

Подарочная эпопея действительно оказалась сущим мучением – выбрать хороший презент для Алёны, значительную часть сознательной жизни проведшей в европах, было почти нереально – что она не видела из здешнего ассортимента? Это для Сереги можно притащить стандартный набор сувениров и он останется доволен!

Затруднения решил Ваня, как обычно просто и изящно. Чем подруга увлекается? Лингвист-филолог? Германские языки? Понял, поехали к букинистам, есть у меня на примете один магазинчик.

Потратили чудовищную (по мнению Славика) сумму, но Алёна, вскрыв плотную пергаментную упаковку, взвизгнула от восторга: издание «Круга Земного» Снорри Стурлусона от 1783 года, Копенгаген. С переводом на датский и латынь. Раритет, оценить который способен лишь истинный ценитель. И в довершение фундаментальное исследование по теме, вышедшее в 1910 году. Украшение любой серьезной библиотеки!

– Кажется, этот Иван всерьез разбирается в исторической литературе, – заключила довольная филологесса. – Ценный кадр, хоть и бывший военный. Хотелось бы познакомиться.

– Ждать осталось недолго, – ответил Славик. – Его включили в «мою» бригаду, будет оказывать любую посильную помощь. Приедет в конце зимы, взглянуть на нашу Дверь. Ну а летом начнется самое веселье...

– Подробности?

* * *

...– Начало четырнадцатого века, – задумчиво сказала Алёна, выслушав историю о парижских приключениях Славика и бегло просмотрев список рекомендованных к изучению книг. – Здесь я не профи, но сразу возникают некоторые предположения. Грау нацелились на крупную добычу, верно?

– Если только подготовка к операции занимает около года, то слова «крупная добыча» являются преуменьшением. Жоффр намекал, что при удачном стечении обстоятельств выручка окажется колоссальной.

– Но старый хрен не раскрыл место действия? И не назвал точные даты?

– Западная Европа, до 1310 года. В подробности меня посвятят, когда будет реализована техническая часть проекта, и на *ту сторону* забросят первые две спецгруппы.

– Ну и лексика, как в романе Тома Клэнси про шпионов! Что тогда происходило, давай припомним? Началось Авиньонское пленение пап. Идет война за независимость Шотландии – помнишь Уильяма Уоллеса из «Храброго сердца»? Как раз те времена, Уоллеса казнили в 1305-м.

– Точно-точно, Жоффр сказал, будто работать придется и в Шотландии!

– Дальше думаем. Столетняя война начнется через тридцать лет, отпадает. Фламандские восстания и поражение французов – граф д'Артуа погибает в битве при Куртре, вместе с ним убито больше семисот рыцарей, для тех времен это поражение уровня Сталинграда.

– Всего семьсот? – удивился Славик.

– Не «всего семьсот», а «целых семьсот». У каждого рыцаря – свой отряд минимум в десять-пятнадцать человек, а то и больше. Вот и считай. После поражения в Куртрской битве Французское королевство потеряло Фландрию, одну из самых доходных провинций, и надолго увязло в приграничном конфликте. Может быть, Серые нацелились на казну французского войска? Сомнительно, заваруха была серьезнейшая, риск огромен. Может быть, их интересует переезд папского двора из Рима в Авиньон? Папа римский был очень обеспеченным человеком, Святой престол обладал колоссальными средствами – могли и потерять что-нибудь по дороге...

– Не уверен, – покачал головой Славик. – Ваня старался подробно рассказать мне о тогдашнем Париже, следовательно основное место действия – Иль-де-Франс.

– Иль-де-Франс, – задумчиво повторила Алёна. – Ничего эдакого не припоминаю. Филипп Красивый был неплохим королем – умным и жестким, – социальных потрясений в его царствование не отмечено, премьер-министр Ги де Ногарэ считался одним из самых успешных канцлеров Франции за последние сто лет и преданнейшим слугой монарха, начавшего искоренять феодальную раздробленность и вводить очень прогрессивный для той эпохи абсолютизм... Есть! Поняла! Конечно же Ногарэ!

– Объяснишь?

– Что тут объяснять, сразу можно было догадаться! 1307 год, разгром тамплиеров! Могучего, неприкосновенного и богатейшего Ордена Храма! Считай, личной папской гвардии, не подчинявшейся никому, кроме римского понтифика! После изгнания из Палестины руководство Ордена во главе с Великим Магистром обосновалось во Франции, их официальная резиденция, Тамплъ, находилась в Париже! Храмовники умудрились так достать короля своими претензиями, что Филипп решился на отчаянный шаг – уничтожить Орден любой ценой... Вот оно что! Я начинаю невольно уважать Серых – работают с размахом, решили получить свою долю! А ведь значительная часть сокровищ тамплиеров исчезла незнамо куда, никаких следов!

– Тише, – Славик вытянул руку. – Меньше эмоций. Допустим, твоя теория верна. И что же, рыцари Храма на самом деле были очень богатыми?

– Не то слово! Крупнейшая банкирская сеть Европы – именно тамплиеры изобрели банки в современном понимании этого термина! Недвижимость, связи с арабами, контроль над экспортом с Ближнего Востока, огромные землевладения!..

– Ты говоришь о них так, словно Орден был не рыцарским союзом, а транснациональной корпорацией.

– Они таковой корпорацией и являлись! В полной мере. Ты даже не представляешь себе, насколько мощной, разветвленной и жизнеспособной! Ни до появления на исторической сцене тамплиеров, ни после них – вплоть до создания британской Ост-Индской компании четыреста лет спустя, – мир не видывал такого финансового монстра! Давай попробую объяснить...

* * *

Ровно 890 лет назад, в захваченном крестоносцами Иерусалиме, восемь французских рыцарей, возглавляемых небогатым дворянином Хью де Пейном, сеньором Монтины, образовали братство, обязанное защищать пилигримов, направлявшихся в паломничество к святыням Палестины и Гробу Господню.

Дело нужное и полезное – на дорогах бесчинствовали разбойные шайки, местные племена относились к незванным гостям из Европы с враждебностью, а король Балдуин Иерусалимский, владыка первого христианского королевства Святой земли, пока был не в силах навести порядок в новых владениях.

Благочестивым братьям-рыцарям выделили резиденцию в юго-восточном крыле храма Иерусалимского, там где теперь мечеть Аль-Акса, и соратники де Пейна стали кем-то напоподобие вооруженной охраны Святого Гроба в прямом подчинении католического патриарха Палестины. Тогда же появилось и название братства – «Дом бедных рыцарей Храма Соломонова».

За последующие десять лет новый Орден ничем особенным себя не проявил – видимо, храмовники смиренно занимались рутинными делами: защищали паломников от арабов и бандитов, принимали участие в военных операциях против Фатимидского халифата и вели скромный образ жизни: о громких свершениях летописи не упоминают. Однако ситуация резко меняется в 1128 году после церковного собора в Труа, столице графства Шампань.

– На собор приехал магистр храмовников Хью де Пейн в сопровождении пяти братьев, – рассказывала Алёна. – Никаких сверхзадач перед собой они не ставили: утвердить краткий устав да выбить финансирование, поскольку на то время Орден действительно был бедным, не спасали и земли, отданные рыцарям в аренду Иерусалимским патриархом. Но тут с братьями де Пейна познакомился настоятель монастыря Клерво, будущий святой Бернар, и как талантливый пропагандист и идеолог он сразу понял, что набрел на золотое дно.

– Пропагандист? – усмехнулся Славик. – В двенадцатом веке?

– А ты думал! По тем временам – первейший церковный авторитет, философ с блестящим образованием, командовавший королями и римскими папами, будто рекрутами! Я думаю, самый влиятельный человек своей эпохи. Бернар, выступавший за папский абсолютизм и примат церкви над светской властью, воспринял идею создания духовно-рыцарского монашеского братства с восторгом. Сам подумай: церковь получает собственную армию, независимую от буйных феодалов и своенравных монархов! Отлично вооруженное войско, подчиняющееся исключительно Риму! Мысль можно развивать: вступающие в Орден рыцари передают ему, а следовательно церкви, свое имущество, что означает расширение церковных владений, сеть командорств, разбросанных по всей Европе и Палестине, позволит Ватикану контролировать огромные территории, а при нужде – использовать вооруженную силу... И так далее!

– Золотое дно, верно, – присвистнул Славик. – Аббат Бернар дураком явно не был.

– Дураки в святые не выбиваются, разве что в блаженные. Теперь понимаешь, почему Бернар Клервосский вцепился в идею всеми конечностями и сделал Орден Храма своим главнейшим детищем и самой любимой игрушкой? Уже через десять лет после собора в Труа численность Тампля возросла многократно, папа Иннокентий издал буллу, в соответствии с которой рыцари Храма имели право беспрепятственно пересекать любую границу, освобождались от налогов во всех католических королевствах и подчинялись исключительно Святому Престолу. Кроме этого, они обладали множеством других привилегий, бедному дворянину было куда проще вступить в братство и оказаться под защитой могучей организации и церкви, чем воевать самостоятельно или под знаменами своего сеньора. Единственное ограничение – монашеские обеты.

– «Пьет и ругается, как тамплиер», – припомнил Славик цитату из школьного учебника истории. – Подозреваю, что с благочестием у монахов-рыцарей дело обстояло далеко не лучшим образом.

– В позднейшие времена – да. Сам понимаешь, закрытый коллектив – будь он мужской или женский – всегда змеюшник. Но первые десятилетия Орден держал марку: строжайшая дисциплина, устав, неугасимое пламя искренней веры. Это и было привлекательно, постоянно находясь на войне, по-другому нельзя. А когда мусульмане выбили европейцев из Палестины, храмовники остались не у дел. Конечно, была Реконкиста в Испании, натиск турок на Византию, но масштаб другой, да и главное потеряно – Святой Гроб и Иерусалим. Идеологический стержень выпал. Что оставалось делать?

– И что же?

– Как сказали бы в наше время, система остановилась в развитии, став работать лишь на поддержание имеющегося статуса. Эволюция прекратилась, началась фаза стазиса, а потом и разложения. Высокие цели остались в прошлом, победил меркантилизм. Больше денег. Больше земель. Больше влияния. Титул великого магистра стал равен по статусу королевскому. Теперь представь, что сейчас в России появляется многочисленная, абсолютно независимая от власти и придерживающаяся своих взглядов на политику военизированная структура с собственной разветвленной банкирской сетью и претензиями на влияние в светском государстве? Причем интересов такого государства зачастую не разделяющая?

– ЮКОС, – моментально провел ассоциацию Славик. – Ходорковский и компания.

– Близо, но все равно не то. Не сравнивай зарвавшегося нувориша-бизнесмена, пусть и обладающего своей маленькой армией в виде службы безопасности корпорации, и насквозь милитаризованное сообщество с двухсотлетними традициями, способное при мобилизации немедленно выставить многотысячное войско и попутно придушить неужодное правительство экономическими методами. Впрочем, господин Ходорковский теперь там же, где и тамплиеры. Разве что не сожгли, эпоха излишне гуманная.

– Главное я понял, – кивнул Славик. – Как всегда разногласия возникли из-за денег и собственности.

– Не только. Следует учитывать религиозный и мистический менталитет эпохи. Тогда каждый – подчеркиваю, *каждый*, от короля до распоследнего прокаженного! – был искренне и глубоко верующим человеком. Мир делился на две части – христиане и неверные. Принадлежность к христианской общности являлась своего рода цивилизационной идентификацией. Кодом доступа в общество. Любое отступление от христианской идеологической доктрины беспощадно каралось по вполне понятным причинам: это расценивалось не только как преступление против религии, но и как покушение на основы цивилизации. А про храмовников уже давно начали ходить нехорошие слухи...

– Действительно так много пили и ругались?

– Всё куда сложнее. Тамплиеры долгое время тесно контактировали с арабами и жителями Центральной Азии. Возможно, рыцари переняли у них основы восточной мистики. Познакомились с зороастризмом, манихейством, исмаилизмом Хасана ас-Саббаха, некоторыми тайными культами, которых в том регионе отродясь было великое множество. Тайное знание привлекает, заставляет считать собственное положение куда более высоким... Менталитет средневековья. Магия и колдовство существуют *a priori*? Отлично, почему бы не освоить это искусство?

– Ты разве всерьез веришь в магию?

– Нет, – твердо ответила Алёна. – Я прожженная материалистка. А они верили. Глубокая вера способна порождать нечто материальное. Индукция, понимаешь? Предыдущие поколения храмовников, нахватавшись черт-те чего в Палестине и Египте, индуцировали тех, кто пришел им на смену. Эти знания со временем трансформировались, приняв совсем уж экзотические формы. Не верю я в то, что процесс над храмовниками и все показания были полностью сфабрикованы! Не верю, хоть тресни! В инквизиции работали серьезные, образованные люди – могли бы пришить тамплиерам более правдоподобные обвинения. Значит, и впрямь что-то было.

– А конкретнее?

– О, полный набор для костра! От колдовства и отречения от креста до запрещенного ростовщичества и сексуальной распущенности. За отдельными замками и командорствами тянулась нехорошая слава – крестьяне жаловались на похищения девушек и мальчиков, сам понимаешь в каких целях... Гомосексуальные контакты между братьями-рыцарями на этом фоне выглядят невинными забавами, хотя за такое по средневековым законам полагалась смертная казнь. Кроме того, я подозреваю, что тамплиеры – имеются в виду рыцари, стоящие

на высших ступенях иерархической лестницы Ордена, – создали собственный особый культ, не похожий ни на один другой. Станные ритуалы, новые символы, не имеющие никакого отношения к католицизму, тайное знание, передаваемое лишь избранным.

– Закрытая структура, – повторил Славик алёнины слова. – Собственные ритуалы есть в любом профессиональном сообществе, от студентов до космонавтов. Воображаю, сколько могли навдумывать храмовники за двести лет!

– Столько, что даже у выдавших виды инквизиторов глаза на лоб полезли, – согласно кивнула филологесса. – Поклонялись идолу Бафомету, клятвы на крови, извращение текста мессы, отказ от святых даров и так далее, и так далее. Я тебе скачаю книгу Марион Мельвиль, «История Ордена Храма», считаешь в подробностях.

– Ну и каков же итог?

– Итог известен. Король Филипп понял, что от Тамплиа надо немедленно избавляться. И как сумел, придушил Орден, попутно получив проклятие от магистра де Моле. Проклятие, кстати, сбылось, что наводит на размышления – король, премьер Ногарэ и папа Климент после сожжения магистра и его приближенных умерли до конца года, а династия Капетингов прервалась четырнадцать лет спустя. Большая часть сокровищ тамплиеров утеряна. В Испании многие рыцари перешли в Орден Сантьяго – у них даже символика похожая, алые кресты, которые позже украсили паруса каравелл Колумба.

– Я другое подразумевал. Нам-то из этого всего какие выводы стоит сделать?

– Пока слишком мало оснований для общих выводов, – пожала плечами Алёна. – Первое: история с разгромом тамплиеров – наиболее вероятная цель Грау. Прочие события начала четырнадцатого века куда менее значительны, большой прибыли не жди. Второе: Филипп Красивый вывез из Тамплиа всего двести тысяч ливров, примерно аналогичная сумма поступила в казну за время ведения процесса. Смело округляем – полмиллиона. Гигантские деньги, но где остальное? Предположим, господин Жоффри оценивает возможную прибыль... Ну-у... В сто тысяч ливров, почему бы и нет? Много? Хорошо, в пятьдесят. Один турецкий ливр эпохи Филиппа Четвертого равен стоимости трехсот шестидесяти граммов серебра. Вот и считай.

Славик подвинул к себе ноутбук, открыл калькулятор и провел простейшие вычисления. Изумленно почесал за ухом.

– Восемнадцать тонн серебра. Восемнадцать! Мамочки... Сейчас биржевую стоимость прикину. Так-так, примерно двенадцать долларов за тройскую унцию, всего выходит без малого шесть миллионов долларов... Как они припрут с *той стороны* восемнадцать тонн драгмета, спрашивается?

– А если это будет золото? Или камушки? Причем сумму в пятьдесят тысяч ливров мы взяли с потолка и всего лишь *предположили*, что охота идет за сугубо материальными ценностями. Вдруг Серым нужны книги? Свитки с пресловутым тайным знанием? И сумма в шесть миллионов мне кажется смехотворной, не тот уровень. Куш должен быть минимум в десять раз больше, чтобы оправдать расходы на экспедицию и получить существенную прибыль. Думаю, следует забыть о тоннах серебра и придумать что-нибудь более реалистичное.

– У меня фантазия отказывает. Самые разумные версии ты озвучила, ничем дополнить не могу. Кстати, надо позвонить товарищу майору – доложиться о вояже, кроме того, у Алавера могут возникнуть свои соображения по обсуждаемой теме. Мужик он умный, не откажешь...

– Так звони, незачем тянуть.

* * *

Оказалось, что Алавер сейчас в Москве, в двухдневной командировке, приедет лишь завтра, а потому встреча откладывается. Сказал, что забежит в гости вечером. Водки взять? Вот и договорились.

Славик отправился спать рано, устал – перелет, смена часовых поясов, психологическая нагрузка последних дней сказывались. Алёна предпочла еще часик-другой поработать с компьютером: найти в Сети электронные версии рекомендованных Иваном исследований и продолжить недавно начатый труд с предварительным названием «Древнескандинавский для чайников». Особых талантов к изучению языков Славик не проявлял, а потому было решено пойти по пути наименьшего сопротивления – сделать для него полный аналог школьного учебника английского только с надлежащей спецификой.

Словарик. Упражнения. Короткий текст – переведите на стародатский: *«У нашего конунга большая дружина. Кормчего зовут Торстейн. У кормчего есть круглый щит и шлем. Торстейн купил свой меч у кузнеца в городе Бирка. Торстейн носит шерстяные штаны, две рубахи, плащ и меховую шапку».*

По большому счету современный ребенок с помощью такого учебника освоит архаичное наречие за месяц, главное – усидчивость и ежедневные занятия. Остается заставить Славика не отлынивать – должен понимать, что аргусу без багажа серьезных знаний будет крайне трудно работать. Трюгви с Кетилем, пока гостили в Питере, за несколько дней успели нахвататься достаточно русских слов, чтобы построить простейшую фразу – потрясающая коммуникабельность, современным человеком практически утерянная.

Незадолго до полуночи пришло письмо из Франции – краткий ответ на дневной запрос, сопровождавшийся видеозаписями, сделанными Алёной. Файлы переданы специалистам для изучения, благодарим за бесценную информацию. О результатах вы будете извещены в первую очередь. Настоятельно рекомендуем не подвергать себя ненужному риску. Большое спасибо.

– Пожалуйста, – шепотом сказала Алёна. – Но лучше бы вы поторопились, ребята, а то мне как-то неуютно знать, что за Дверью бродит незнамо какая нечисть...

Утро началось безмятежно. Славик беспробудно дрых – была у него способность спать по четырнадцать часов подряд, зато потом он мог бегать-прыгать двое суток почти не уставая. Пускай отдыхает, его прямое участие в делах пока не требуется.

Алёна, так и не преодолевшая лондонской привычки к обязательному легкому завтраку – тосты, свежие овощи и кофе, – подкрепилась, взглянула в Интернете на прогноз погоды (минус семь, мокрый снег) и отправилась по магазинам. До Дома книги на Невском идти прогулочным шагом четверть часа, придется потратить время на доскональное обследование отдела иностранной литературы. Потом на трамвае к Сенному рынку – купить парной свинины и зелени.

Город постепенно отходил от новогоднего угара и двух недель праздничного безделья. Мусор убрали, возле подземного перехода у Гостиного двора опять толкуются бабульки, продающие варежки и шерстяные носки, большинство офисов и магазинов в центре работают. На Садовой привычные пробки.

Заспанный Славик, в потрепанных трениках и старой тельняшке, встретил подругу на пороге квартиры, пробубнил что-то малоразборчивое вроде «Зачем самой тяжести таскать?» и утащил пакеты на кухню. Грохнул тарелками, едва не своротив стопку чистой посуды с буфета. Обычное утреннее состояние, лунатик лунатиком.

– Башка трещит, – пожаловался он. – Будто с перепоем. Где пачка с кофе, найти не могу?

– Прямо перед тобой, на столе возле сахарницы. Турка на плите. Знаешь ли, пересып еще вреднее недосыпания, теперь весь день будешь ходить как сомнамбула.

– Ерунда, очухаюсь. Что, в первый раз? Понять не могу, что меня разбудило. Вибрация какая-то. Будто танк под окнами проехал... Вот, опять!

Алена взглянула поверх очков озадаченно. В доме тишина, только включенный ноутбук едва слышно пощелкивает и шуршит.

– Вибрация? Тебе не чудится?

– Нет. Я... Опаньки, я что-то похожее уже чувствовал! Конечно, церковь Нотр-Дам де Шанз! Это наша Дверь. Погоди, проверю.

Шаркающей походкой Славик добрался до гостиной, нашарил ключ, вернулся в прихожую. Спустя полминуты он ворвался на кухню с вытаращенными глазами. Сонливость как рукой сняло.

– Там... Там!.. Звиздец!

– Что такое? – Алёна медленно встала с диванчика. – Да что?..

– Сама посмотри! – тонко выкрикнул Славик и потянулся за ай-фоном. Быстро нашел в списке контактов номер Ивана.

Створка Двери отошла больше чем наполовину, можно было прекрасно рассмотреть пространство *той стороны*. Раньше. Ибо в настоящий момент знакомая полянка с валунами, соснами, боярышником и васильками-лютиками отсутствовала. Дверной проем сверху донизу заполнила непроглядная маслянистая пелена, будто черный полиэтилен натянули. По поверхности изредка пробегала мелкая рябь.

– Аллю? Ваня? – до Алёны донесся заполошный голос Славика. Кричал в голос. – Да, я это! Дверь сломалась! Не могу тише! Как сломалась? Да откуда я знаю?!

– Выдохни, – филологесса решительно отобрала у Славика коммуникатор. – Дай-ка я поговорю, все равно от твоих воплей никакого толка. Иван? Здравствуйте, можете называть меня Алёной.

– Добрый день, – из динамика ай-фона донесся невозмутимо-деловитый голос. – Простите, но я решительно ничего не понял. У вас какие-то затруднения... кхм... с объектом?

– Совершенно верно.

– Опишите.

– Очень странное явление. После открытия Двери на *той стороне* ничего нет.

– То есть как? Где вы сейчас находитесь? Дома? Прекрасно. Можете включить на аппарате режим видеозвонка? Я хотел бы взглянуть... А вы пока расскажите, что видите.

Алёна, стараясь подбирать правильные слова, начала объяснения. В проеме сплошная чернота, будто нефтью залито. Необычные запахи? Нет. Славик ощущал легкую вибрацию, явно порожденную «червоточиной». Направить камеру телефона? Так видно?

– Ага, ага, – сказал Иван, получив картинку несколько секунд спустя. – Понятно. Возьмите какой-нибудь предмет, к примеру нож, и коснитесь этой субстанции. Не бойтесь, ничего опасного.

На тумбочке под зеркалом в прихожей лежала авторучка. Тонкий пластиковый корпус больше чем наполовину исчез в слабо колыхавшейся мгле, не встретив преграды. Вытащить ручку обратно оказалось столь же легко.

– Теперь коснитесь рукой, – скомандовал Иван. – И скажите, что почувствовали.

Алёна опасливо поднесла ладонь к пелене, чуть дотронулась, сразу отдернула руку – пальцы слегка кольнуло, похоже на статическое электричество. Появился слабый аромат озона.

– Отставить панику, – выслушав, сказал Иван. – Закройте Дверь и забудьте. Это может продолжаться от двадцати четырех часов до двух-трех суток.

– Что именно – «это»?

– Явление известно и описано, оно не представляет никакой опасности. Вариант слепого периода, когда «червоточина» дает небольшой сбой, замыкаясь на саму себя.

– Но ближайший слепой период, судя по расписанию, следует ждать только в апреле! Деятнадцать суток. И что значит «замкнулась на саму себя»?

– Долго объяснять. Повторяю: угрозы не существует, я лично сталкивался с подобным неоднократно. С огромной долей вероятности, шагнув вперед, вы окажетесь в своей же квартире, но, возможно, в другом временном потоке.

– То есть?

– Оставьте, к чему вам лишние приключения? Просто смиритесь с существованием данного феномена. У вас же не вызывают раздражения или ажиотажа снегопад, полнолуние или

молнии во время грозы? Проверьте Дверь завтра вечером, уверяю – всё будет выглядеть как обычно. Надеюсь, я сумел вам помочь?

– Отчасти, – буркнула Алёна. – По меньшей мере успокоили. Я боялась, что это происшествие Славика до инфаркта доведет.

– Не позволяйте Вячеславу принимать всё так близко к сердцу. Объясните, что «сло-мать» Дверь невозможно. Никому и никогда. Прецедентов самопроизвольного закрытия «чер-воточин» также не отмечено. Редкие сбои – да, случаются. Однако мы имеем дело с неве-роятно сложной и неизученной структурой пространственно-временных аномалий, вполне естественно, что ответить на все вопросы о принципах их действия люди смогут только в дале-ком будущем. Или вообще не смогут. Никогда. Будьте любезны, передайте трубку Славику...

Близко к сердцу, значит? Вот именно. Славик, еще два месяца назад всерьез задумы-вавшийся о том, что Дверь следовало бы заколотить досками или вообще навсегда зава-рить, закрыв стальными листами, теперь воспринимает странное наследство как неотъемлемую часть своей жизни – привык, осознал ответственность, обрел вкус к ремеслу аргуса. Говорить он может что угодно, грозиться забыть о Двери навсегда, на *ту сторону* не ходить и других не пускать, однако избавиться от Зова уже не сможет. Это как наркотик – ремиссии могут быть сколь угодно длительными, но однажды закоренелый морфинист снова возьмется за шприц.

... – Хоть бы предупредили! – пожаловался Славик, закончив беседу с Иваном. – Жоффр, конечно, говорил, что от Дверей следует ждать необычных сюрпризов, да и про слепые периоды я отлично знаю. Только когда Дверь временно «отключается», мы в проеме ничего не увидим – обычный пыльный чулан, или что там предусмотрено проектом квартиры? Хотелось бы знать, каким образом «червоточина» самозамыкается? И что находится там, за черной пеленой?

– Не вздумай проверять! Иван прямо сказал: закройте и некоторое время не отпирайте! Мало ли?..

После обеда Славик не выдержал. Дождался, пока Алёна не соберется в библиотеку уни-верситета, где заказывала ксерокопии с редких изданий по культуре Древней Руси, и снова взялся за тяжелый латунный ключ.

Просто посмотрю. Посмотрю, и ничего больше.

Изменений никаких – прежняя «нефтяная пленка», разделяющая мир на «здесь» и «там». Вытянул руку, пальцы исчезли во мгле, по коже пробежали мурашки, словно от холода. Левой ладонью крепко ухватился за косяк, машинально задержал дыхание (казалось, будто в воду ныряешь), зажмурился и наклонился вперед, так, чтобы голова и грудь оказались на *той стороне*.

Вдох-выдох. Отлично, воздух пригоден для дыхания. Пахнет чем-то кондитерским – гвоздика?

– Ой, – громко сказал Славик, оглядевшись. – Не понял?

Сделал шаг назад, в прихожую. Протер глаза – слегка пощипывало.

Ваня не обманул: сегодня «прореха» стала кольцевой – с обеих сторон одна и та же квар-тира в доме на Мойке. С ума сойти.

Нет, дорогой мой. Не одна и та же. *Здесь* обои темно-малиновые с золотом. *Там*, и это было прекрасно видно даже при выключенном электрическом освещении, стена обтянута плот-ной ворсистой тканью, закрепленной обойными гвоздиками с элегантными рифлеными шляп-ками. Уж не бархат ли? Славик успел заметить, что тумбочки под зеркалом нет, зато в нали-чии высокая стойка красного дерева, отсутствующая в нынешней реальности. Бронзовое бра на месте, однако на нем поблескивают хрустальные висюльки, ныне отсутствующие.

«Не лезь туда, балбес! – в голове незамедлительно возник нравоучительно-занудный голос. – Гончаров умер, никто не станет вытаскивать тебя из неприятностей!»

«А что такого-то? – возразил голос номер два, развязный и оптимистичный. – Закрытая квартира это вам не дельта Невы времен викингов! Быстро осмотрюсь и назад! Там тихо, вроде никого дома нет... По крайней мере не напугаю хозяев!»

«Хоть оденься поприличнее, – проворчал первый. – Выглядишь, как бомж».

Ладно, уговорили. Вполне подойдут клетчатая рубашка-ковбойка и черные джинсы. Демократично и неброско.

Что с собой взять? Нет, идею с карабином отставить сразу. Фотоаппарат? Отличная мысль. Складной ножик в карман. Всё, пожалуй.

Вперед.

Славик криво усмехнулся, припомнив, какой страх испытывал при первой попытке заглянуть на *ту сторону* в октябре прошлого года. Сейчас нет и тени опасений, только неумный интерес: а что там, за барьером?

Вернее не «что», а «когда».

Последние сомнения отпали – это его, Славика, квартира. Знакомый рисунок паркета в прихожей, разве что плитки посветлее, покрыты не лаком, а мастикой. Дверь ничуть не изменилась, коричневые деревянные рейки внешней обшивки, отсутствие ручки, форма скважины аналогичная. Но почему Дверь не заперта?

На вешалке у входа светлый дамский плащ, в стойке зонт. Несколько пар туфель, мужских и женских. Бра зажигается не с помощью современного выключателя, а тонкой бронзовой цепочкой – надо дернуть вниз. Со стороны кухни на пол падают полосы солнечного света.

Очень тихо, слышно лишь приглушенное тиканье больших напольных часов, стоящих в гостиной.

– Прошу прощения! – громко сказал Славик, решившись. – Извините, есть тут кто-нибудь? Госпожа Кейлин?

Имя бывшей владелицы квартиры слетело с языка с необычайной легкостью. Людочка обитала здесь с самого рождения в далеком тысяча девятьсот девятнадцатом году, а в том, что «временной поток» на *этой стороне* проходил через XX век, Славик не сомневался: электричество. Только лампочки в бра необычной формы...

Ответа на призыв Славика не последовало. Никого.

Тихо прошел в сторону кухни. Запнулся на пороге. Покачал головой.

Из привычной обстановки замечен лишь пузатый буфет с резными мордами грифонов. Техника исчезла. Стол находится не возле окна, а посреди кухни, оранжевая скатерть. На полках старомодные кофейники, начищенные медные сковороды, несколько кастрюль. Здоровенная газовая плита неизвестной конструкции, как бы не чугунная. Венские стулья с гнутыми тонкими спинками.

Ох ты ж какой интересный предмет – черная тарелка радиоточки, будто из фильмов сталинской эпохи. Как включить? Впрочем, не сейчас. Продолжим осмотр.

Гостиная, наоборот, практически не изменилась за некоторыми исключениями – другая обивка на креслах, вместо бумажных обоев, как и в коридоре, ткань с рисунком. Видимо, тогда так было принято. Когда – *тогда*?

На секретере обнаружили чернильница-непроливайка, подставка для металлических перьев и записка на листке линованной бумаги. Почерк мелкий и очень аккуратный, видно, что его обладатель учился если не каллиграфии, то чистописанию точно.

«Л! Завтра придет Аглая, напхни ей, чтобы взяла белье из прачешной. Телефонировала Зинаида Константиновна, просит передать книги, связку я оставил на столе. Буду на даче до конца недели. Папа».

Папа? «Л» – это наверняка Людочка, она же Людмила Владимировна Кейлин. Бинго!

Год! Какой год?

Славик осторожно выдвинул несколько ящичков секретера. В верхнем сразу наткнулся на пачку денег – крупные бело-зелено-черные купюры с портретом Ленина и надписью «Десять червонцев». Под ними лежат розовые облигации займа Осоавиахима. Ого, где же это мы очутились?

Стоп. На входной двери был замечен необычный предмет, каковой в 2009 году не наблюдался – почтовый ящик. Почтальон отправляет корреспонденцию в прорезь, а хозяин квартиры забирает газеты и письма не выходя на лестницу. Очень удобно.

Проверим?

Замечательно, попадание точно в цель! «Известия Совета Народных Комиссаров» и «Правда». Плюс открытка с видом Петергофа.

14 сентября 1939 года. Две недели назад началась Вторая мировая война.

Добро пожаловать, Вячеслав Михайлович.

Проверим открытку. Отправлено вчера из Ораниенбаума. Некая Софья приглашает Людочку на пикник в парке, можно приехать в субботу пригородным поездом на 11:20. Дата на штемпеле совпадает с газетной.

Славик вздрогнул и присел, услышав резкий дребезжащий звонок. Кто-то звонит с парадной лестницы? Нет, звук идет со стороны гостиной.

Телефон. Черный, эбонитовый, с двумя циферблатами на одном диске: номерным и литерным. Тяжеленный – страсть, одна трубка не меньше килограмма, убить можно.

Ответить на вызов? Почему нет, просто послушать, кто звонит и сразу дать отбой.

...– Папа? Папа, алло! Как хорошо, что ты еще не уехал! Слышишь меня?

– Да, – басом ответил Славик, постаравшись изменить интонацию. Вот это да, услышать голос своей неродной бабушки через три месяца после ее смерти! Мороз по коже, честное слово!

– Прости меня пожалуйста, я заночую у Артамоновых, на Васильевском, а завтра мы собирались на выступление Утесова в саду Народного дома, приеду домой только к восьми. Оставь деньги для домработницы у дворника или Анны Григорьевны, хорошо?

– Хорошо, – каменным голосом сказал Славик.

– Ты ведь правда не сердишься? Правда?

– Нет-нет, развлекайся, я буду на даче.

– Папа, ты прелесть! Спасибо-спасибо! Тебе огромный привет от Лёвы и Николая Апполинариевича. Дать ему трубку?

– Я спешу... дорогая, – промычал Славик. – И очень плохо слышно.

Трубка легла на рычажки. По лицу стекали крупные капли пота.

– Значит, у меня в запасе как минимум сутки, – вслух сказал Славик.

Заглянул в гостиную, посмотрел на могучий хронометр с маятником. Четверть второго дня. Людочка окажется в квартире тридцать часов спустя, старый адвокат Кейлин на даче в Репино...

(Какое еще Репино? Идиот! Куоккала сейчас находится на территории Финляндии, СССР получит эти территории только после Зимней войны 1940 года! Господи, кто же тогда следит за тамошней Дверью?!)

Неважно. Эта проблема относится к разряду второстепенных. Мало ли дачных поселков в окрестностях Ленинграда?

Значит, сутки.

Славик без спроса (у кого спрашивать-то?) взял с буфета пачку папирос «Капитанские» с мужественным профилем моряка в белом кителе, присел на поскрипывающий венский стул, подвинул к себе массивную мраморную пепельницу. Чиркнул фосфорной спичкой – коробочка нашлась у плиты.

Мысли неслись со световой скоростью. Обеспечение? Раз плюнуть. Стащу из секретера две банкноты, там много, не заметят. В конце концов можно взамен положить золотую монету из собственного запаса! Десять червонцев это, наверное, немалая сумма по нынешним временам.

Соответствующий костюм? Нашел проблему – достаточно открыть шкаф и проверить, подойдут ли по размеру вещи адвоката Кейлина! В крайнем случае, вернулся на семьдесят лет вперед, сбегал да купил, предварительно посмотрев в Интернете по запросу «моды тридцатых и сороковых годов». Полный аналог отыскать вряд ли получится, но что-нибудь похожее – точно. Брюки, пиджак, шляпа. На улице тепло – бабье лето, день солнечный. Ртутный термометр на окне во двор показывает восемнадцать градусов. Выйти из квартиры проще простого, около входной двери на крючке висит два комплекта запасных ключей.

Людочка упомянула дворника, а это народ, судя по литературе, наблюдательный и зло-вредный – хоть Булгакова почитай. Ничего, отболтаюсь. Заходил в гости к господину... То есть товарищу Кейлину и его дочери. Хайр и борода? А я художник, мне можно! Из ВХУТЕМАСа, как товарищ Остап Бендер!

А если милиция на улице документы спросит? 1939 год на дворе, между прочим. Бдительность и еще раз бдительность, враги не дремлют! Не хватало только в недавно возведенный Большой дом попасть, на душевную беседу к гражданину начальнику в фуражке с синим околышем! Ничего себе перспектива, навсегда застрять в СССР незадолго до начала войны! Точнее, двух войн – Финской и Великой Отечественной, которая грянет всего через двадцать два месяца!

Рискнуть? Ох, нарвешься! Но упустить случай решительно невозможно!

– Славик, – грохнуло за спиной. – Ты окончательно спятил?

Сердце пропустило один удар.

Ф-фух, Алёна. Собственной персоной. Но как?..

– Ты оставил Дверь открытой и я сразу поняла, в чем дело. Пришлось пересилить себя и нырнуть в эту черную слизь. Где мы?

– Здесь, – невнятно ответил Славик. – То есть там. Слушай, у меня есть гениальная идея!..

– Только не это! Излагай.

Глава третья Три реальности

Январь—февраль 2009

Санкт-Петербург

– У меня ясное впечатление, что мы находимся на другой планете, – громко шептал Славик. – На Марсе. Глазам своим не верю! Так не бывает! Не бывает и точка! Всё абсолютно другое!

– А ну прекрати истерить, – цыкнула Алёна. – Мы не должны привлекать внимания. Ох, засыплюсь...

Двое молодых людей – он в бежевом брючном костюме и кепке, она в строгом вишневом платье с невесомым шелковым кашне – медленно шли по набережной Красного Флота мимо Адмиралтейства, по направлению к площади Декабристов. Склонявшееся к западу солнце золотилось слева впереди, над зданием бывшего Сената.

Опасения Алёны не оправдывались – прогуливавшаяся парочка никого не интересовала, прохожие не засматривались, встретившийся на Дворцовой площади милицейский патруль в их сторону и не посмотрел.

Впрочем, не было в этой реальности никакой Дворцовой – площадь Урицкого. Вместо Невского – проспект 25 октября. Зимний, выкрашенный в необычный багрово-красный цвет, украшался вывеской «Музей революции» на парадном входе. Прав Славик – всё другое.

Город изумительно чистый, прямо-таки стерильный. Ни соринки. Поразительно мало автомобилей, отчего улицы кажутся гораздо шире, чем в первом десятилетии XXI века. Постоянные звонки трамваев. Внушительные двухэтажные троллейбусы иностранного производства. Царапают глаз красные пятна – флаги, лозунги, украшения из материи.

И свет. Очень много света. Оглушающе много. Ленинград кажется стеклянным, полупрозрачным, будто сказочный город из книг Андерсена. Впечатление усиливает то, что большинство горожан одеты в белое, многие улыбаются, причем настолько лучезарно и искренне, что Славика это начало коробить – отвык видеть у сограждан нескрываемое проявление положительных эмоций. Чему они радуются?

Чему? Отличной погоде. Жизни. Музыке военного оркестра в Александровском саду, или как он сейчас называется? Ах да, сад Трудящихся. Играют вальс «На сопках Маньчжурии», кстати.

– Купи мне мороженое, – Алена чуть подтолкнула Славика в бок локтем. – Когда еще попробуешь...

Купюру в десять червонцев разменяли в Елисеевском вскоре после начала невероятной прогулки. Заперли квартиру, спустились во двор, вышли на Мойку и сразу двинулись в сторону Невского. Славик с трудом пытался держать рот закрытым, его не оставляло чувство нереальности происходящего. Будто живьем попал в декорации фильма «Цирк» с Любовью Орловой – я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...

Дышалось и впрямь легко. Никакого чувства опасности, лишь глубочайшее, почти парализующее недоумение: где мы? Убедить себя в том, что этот солнечный, счастливый город – Ленинград образца середины сентября 1939 года получалось с трудом.

...– Два пломбира дайте пожалуйста, – замороженно сказал Славик пухлой гражданке в белом чепчике и крахмальном переднике, скупавшей за металлической тумбой на колесиках с рисунком огромной голубой снежинки. Надпись полукругом: «Ленхлагокомбинат № 1».

– Вам с сиропом? – толстуха открыла крышку контейнера, взяла конусообразные вафельные стаканчики. – Есть клубничный и апельсиновый.

– Нет, обычный пломбир, – выдавила улыбку Алёна. – Сколько? Два двадцать? Слава, уплати... Спасибо.

– Вы приезжие? – осведомилась мороженщица.

– Да, из Москвы.

Пошли дальше, к Медному всаднику. Славик точно знал конечный пункт маршрута – улица Союза Связи, потом сразу домой в обоих смыслах этого слова: вернуться в квартиру, а оттуда пройти через Дверь в «объективное время». И на два дня забыть о «червоточине», до поры, пока не будет восстановлено основное направление – IX век.

– Мама рассказывала, что Невский заболел в конце восьмидесят второго года, – тихо сказала Алёна. – Что-то случилось с ним неуловимое, словно хворь какая-то одолела. Стал сер и тускл, будто заброшенный переулок, а не главный проспект города. Только сейчас я поняла, что болен весь город. Весь. Посмотри вокруг, довоенный Ленинград абсолютно непохож на наш Питер. Здания те же, мосты, набережные, памятники. Только здесь всё живое, дышащее, люди смотрят и ведут себя совсем иначе... Не понимаю! Может быть, это действительно другое измерение? Откуда такие ужасающие перемены? Всего за семьдесят лет?

– Срок-то немалый... И Блокада еще.

– Думаешь, из-за войны? Логично. Все равно твоя затея ничего не изменит. Гончаров и Серые в один голос твердили: через прошлое будущее не изменить. Ничего не получится, история защищает сама себя. И попробовать нечего.

– Раз хуже никому не будет, почему бы не попытаться? Метод бабочки Рея Брэдбери не сработает? И пускай. А вдруг сработает?

– Боюсь представить, в какой мир мы вернемся. Если вообще вернемся. И если будет куда возвращаться.

– Не трусь, обойдется.

...Рывок в 1939 год был осуществлен с неимоверной стремительностью: подготовка заняла всего полтора часа. Галопом в магазин за костюмом – одежда, найденная в квартире адвоката, не подошла. Потом в книжный. Немедленно обратно: надо успеть до вечера. Тамошнего вечера.

– Ничего не скажешь, я воодушевлена открывающимися горизонтами, – мрачно говорила Алёна, переодеваясь в только что купленное платье. – Если нам совсем не повезет, остаемся навсегда в предвоенном Ленинграде. Со всеми вытекающими. Я бы предпочла натурализоваться в Альдейгьюборге – и это второй вариант: переходим через «червоточину» в восьмидесят первый год минус семьдесят лет. Там хоть попроще будет – язык знаю, про обычаи-традиции представление имеется. Вернуться в нашу эпоху будет или невозможно, или до крайности сложно – придется искать другие Двери, комбинировать... Славик, я тебя не убедила?

– Иван сказал, что феномен самозамыкания Двери продолжается не меньше суток. Успеем!

– Ты псих.

– Знала, с кем связываешься. Что характерно, я тебя не заставляю. Оставайся дома и жди. Что-нибудь случится – позвони Ивану, он придумает, как меня вытащить.

– Однажды ты шею себе свернешь...

– Клянусь, я точно знаю, что мы не влипнем! Шестое чувство! Наверное, то самое врожденное чутье аргуса!

– Не чутье, а самая натуральная метафизика, – бросила Алёна. – Готов? Как я выгляжу?
– Охренительно. Платье тебе очень идет.
– Разумеется, все-таки «Прада», а не китайский ширпотреб. Но у меня стрижка, а...
– Забудь. В тридцатые годы многие женщины носили короткие прически, любой фильм тех времен посмотри!

В общей сложности прогулка через центр Ленинграда заняла два часа тридцать пять минут, с учетом визита на Почтамт. В главном почтовом учреждении города привычно пахло сургучом и пергаментом, сустились курьеры, над входом висели два огромных портрета – товарищ Каганович и товарищ Калинин. Стойки остались с дореволюционных времен: темное дерево, полукруглые окошки касс, исчезли только мониторы компьютеров и навязчивая реклама – по этим признакам современной цивилизации Славик ничуть не скучал.

Возле конторки, где принимали ценные бандероли, очереди не было. Оно и к лучшему, незачем сейчас лишние глаза и уши. Славик сдвинул брови, положил на стойку книгу большого формата в темной суперобложке, которую всю дорогу нес в кожаном портфеле, обнаружившемся на *этой стороне* в гостинной комнате квартиры. Представительно сказал пожилому усатому служащему:

– Гражданин, мне нужно отправить этот альбом в Москву. Упакуйте.
– Железной дорогой или аэропланом? – дед употребил старорежимное наименование самолета. Видимо, из «бывших».
– Поездом надежнее, – подсказала Алена.
– Да, – кивнул Славик.

Книгу взвесили, поместили в картонный короб, чтобы не помялась, обернули тонкой мешковиной, перевязали джутовой веревочкой. Капнули на узлы горячим сургучом.

– Адрес напишите сами, – служащий подвинул к Славику чернильницу. – И квитанцию заполните.

Славик шумно выдохнул и вывел на листке плотной почтовой бумаги: «*Москва, Кремль, товарищу Сталину*».

Почтовик не проявил ни единой эмоции, даже глазом не моргнул. Принял как нечто само собой разумеющееся.

– Пятнадцать рублей семьдесят пять копеек. Квиточек не забудьте, гражданин.

Через несколько шагов по выходу из гулкого здания Главпочтамта Славик обернулся, подсознательно ожидая увидеть за спиной хмурых типов в плащах с поднятым воротником и надвинутых на глаза шляпах, но не заметил даже постового милиционера. Кажется, леденящие кровь истории о всемогущей госбезопасности, следящей за каждым шагом советских граждан, несколько преувеличены. Впрочем, кто знает – вдруг подарки товарищу Сталину здесь посылают каждый день в промышленных масштабах?

...– Посылку обязательно проверят, – сказала Алёна. – Может быть, не сейчас, а по доставке в Москву. И если найдут интересной, доложат куда следует. А вот что произойдет потом и в чьих руках она окажется?..

– Нет смысла гадать. Мы попытались и этого достаточно. Идем домой. Хватит, нагулялись.

...Общеизвестно, что девяносто процентов информации человек получает зрительно – глаза не даром именуют «вратами души». Славик, задумав нынешнюю авантюру, сообразил, что посылать Ого-го Кому многотомное сочинение наподобие «Истории Второй мировой» Уинстона Черчилля смысла не имеет – огромный объем текста плохо воспринимается. Если (а вдруг?!) книгу откроют и начнут изучать, воздействие должно быть максимально сильным – требуется максимум визуальной информации.

В результате был выбран толстенный фотоальбом со скромным заголовком «1939–1945. Фотолетопись». Более семи тысяч снимков, начиная с Польской кампании и заканчивая взя-

тием Берлина и разгромом Японии. Закладку Славик нарочно положил на разворот с кадрами Ялтинской конференции, где личность потенциального получателя ценной бандероли была отображена наиболее полно – маршал Сталин и президент Рузвельт, маршал Сталин в Ливадийском дворце, маршал Сталин и товарищ Молотов...

Допустим, посылка дойдет до адресата. Допустим, он оценит ее содержание. Что дальше?

Есть подозрение, что ровным счетом ничего. Многолетний опыт аргусов свидетельствует: писатели-фантасты нагло врут, субстанция, именуемая «историей», прекрасно заботится сама о себе – даже если очень захочется, Гитлера или Наполеона ты не убьешь, Пуническую войну не предотвратишь, а «Титаник» в любом случае утонет, как ни старайся при возможной личной встрече с капитаном Смитом предупредить его о грядущей катастрофе. Поговорка «сделанного не воротишь» актуальна и при работе в «исторической реальности» – любые твои действия приведут к результату, записанному в летописях и учебниках. Любые.

Давайте проверим, попытка не пытка. Рискованно, но...

Зов Двери начал чувствоваться, когда Славик с Алёной вышли на улицу Дзержинского – так сейчас называлась Гороховая. Тихое-тихое гудение, физически ощущаешь, как тебя связывают с «червоточиной» невидимые нити. Дверь каким-то образом опознала своего владельца на расстоянии – попомнишь тут слова Гончарова о том, что аномалии «настраиваются» на аргусов.

– Кажется, прореха нестабильна, – пробормотал Славик. – Ничего, успеем. Я бы понял, случись что нехорошее с Дверью...

Знакомый угловой дом в три этажа. Сейчас он выкрашен блекло-желтым, через семь десятилетий станет бело-розовым. Возле арки, ведущей во двор, стоит запряженная двумя грустными лошадками телега с высоким бортом – оказалось, мусор забирать приехали. Усатый дворник в кожаном фартуке ведет степенный разговор с кучером, жильцы выносят пакеты и ведра с отходами – эта практика оказалась очень живучей, в некоторых старых районах Питера и в XXI веке контейнеры во дворах не устанавливаются, мусор вывозят по расписанию, надо спускаться из квартиры к машине...

На проскользнувшую в арку парочку дворник глянул без всякой заинтересованности: выглядят прилично, наверное, к кому-то в гости пришли. Вернулся к беседе.

Дом строился для обеспеченных горожан, никаких сомнений. Дверь в парадную деревянная, резная, явно осталась с прежних времен. Закрывается не пружиной, а противовесом – антиквариат каких поискать! В лестничных нишах стоят не сохранившиеся в далеком будущем гипсовые вазоны, по углам ступенек заметны крепления для ковра. Все эти приметы дореволюционной истории здания ко времени получения Славиком наследства исчезнут окончательно...

– Где ключи от квартиры? Надеюсь, не потерял?

– В кармане.

Английский замок поддался легко – любой взломщик сумел бы вскрыть хлипкий приговор за минуту. Или в нынешнем Ленинграде обстановка с преступностью резко отличается в положительную сторону от позднейших беспокойных эпох? Искоренили железной рукой? Недаром город произвел впечатление абсолютной безопасности и уюта?

– На крюк не закрывай, – остановила увлекшегося Славика Алёна. – Как хозяева-то в дом попадут?

– Ничего-ничего, сейчас можно, мои планы на вечер несколько изменились.

Славик почувствовал дурноту – голова закружилась. Он уже слышал этот голос. Сегодня. По телефону.

Ой-ой, что делать-то теперь? Влипли!

– Вы были неаккуратны. Оставили в пепельнице окурочек «Капитанских», а эти папиросы курит лишь папин друг, с которым они играют в шахматы, коробка хранится специально для

него. Не закрыли ящичек в секретере и зачем-то оставили на ассигнациях золотую монету – если не ошибаюсь, византийскую. Взяли мой портфель, не имеющий никакой ценности, и вторую связку ключей. Грабители? Сомнительно. Кто-то из знакомых? Исключено. Когда я телефонировала, у отца был престранный голос. О чем следовало подумать в первую очередь, особенно принимая во внимание монету?

– Я... – кашлянул Славик, с трудом подбирая слова. – Простите, я взял немного денег, решил, что надо компенсировать. И потратил совсем мало, могу вернуть сдачу...

У входа на кухню стояла невысокая темноволосая девушка. Белые шорты, блузка, беретик. Спортивный стиль. Советская физкультурница и отличница ГТО, как с картинки. Слева на груди вытянутый золотисто-синий значок «Парашютист-спортсмен». Ничего себе хобби у дочери уважаемого юриста! Однако парашютизм в тридцатые был в огромной моде, им увлекалось огромное множество молодых людей!

– Людмила... э... Владимировна? Я не ошибся?

– Не ошиблись, – кивнула миниатюрная хозяйка нехорошей квартиры. Да, сложение у Людочки хрупкое, рост от силы метр шестьдесят, Славика по подбородок. – Дайте угадаю. Говорите на современном русском языке, знакомы с употреблением табака и знаете, какие денежные знаки теперь используются, иначе не взяли бы червонцы. Дверь сейчас затемнена, значит...

– Что – Дверь? – быстро спросил Славик.

– Затемнение. Проход на *ту сторону* скрыт.

– У нас это называется «слепой период».

– Такое случалось на моей памяти четырежды, я ничего не предпринимала. И вот, дождалась гостей. Наверное, недалекое будущее? Лет десять? Меньше? Одежда совсем как у нас, поэтому так и подумала.

Славик с Алёной переглянулись.

– Разве вы никогда раньше не встречали людей *оттуда*? – первой решилась Алёна, указав в сторону Двери.

– Встречала. Только из другой реальности, не из нашей. Задолго до нас, вероятно несколько столетий. Давайте пройдем в кухню, я заварю чай. Или вы очень торопитесь?

– Не очень, – твердо сказала филологесса, крепко сжав запястье Славика. – В запасе около часа. Не хотелось бы пропустить окончание затемнения и остаться у вас.

– Вы меня знаете, – уверенно сказала Людочка. – Не испугались и моментально узнали. Страшно подумать, вдруг вы... Мои родственники?

Устроились вокруг стола. Загудела внушительная газовая плита, на которую хозяйка водрузила зеленый эмалированный чайник. Славик неловко молчал – в голове не укладывалось, как можно общаться с умершим человеком. Безусловно, Трюггви, Кетиль или Рёрик-сэконунг с позиций восприятия объективного времени мертвы двенадцать столетий как, но эти бесконечные годы и века воспринимаются абстрактно. С кончины же Людочки прошли считанные недели! А она вот – живая, здоровая и невероятно молодая. Конечно, ей в 1939-м исполнилось всего двадцать лет!

– Я не хотел бы рассказывать о нас, – смущенно проговорил Славик. – Понимаете, зная собственное будущее, на мой взгляд, нечестно. Начнешь подстраиваться под еще не происшедшие события, опасаться, что предсказанное не сбудется, или, наоборот, в страхе ждать будущего. Наверное, стоит оставить всё как есть. Я не прав?

– Получается, вы многое знаете обо мне, – задумчиво сказала Людочка. – Хорошо, пускай. Только один вопрос. Какой год?

– Две тысячи девятый.

– Потрясающе... Значит, там всё хорошо? Вы выглядите благополучными людьми. Прилично одеты, вежливы, пускай и немного стесняется.

– Это был второй вопрос, – буркнул Славик.

– Хорошо, хорошо, – встряла Алёна. – Слава, позволь мне? Спасибо. Людмила, я понимаю ваше любопытство, но действительно – это нельзя. Вам будет неинтересно жить. Могу я в свою очередь спросить?

– Пожалуйста. Вам чаю с сахаром? Молока в доме нет.

– С сахаром... Когда затемнение заканчивается, что обычно вы видите на *той стороне*, за Дверью?

– Это просто. Большая поляна, много валунов, деревья. Дальше к северу – река, это Нева.

– Значит, географическую точку вы определили?

– Разумеется. Обучилась работе с секстаном. Затрудняюсь с эпохой. Безусловно, времена допетровские. Да и шведов там не видно.

– Мы можем назвать точную дату. Единственная помощь, которую мы способны оказать. Когда вы узнали о существовании Двери и проходе на *ту сторону*?

– В детстве. Папа показал. А ему – бабушка. Папа еще до революции подружился с тамошними обитателями, предполагает, что это финны или карелы. Рыбаки. Очень примитивный народ, однако беззлобный и гостеприимный.

– Так... – Алёна пожевала губами, взглянула на потолок и быстро высчитала: – Получается, семьсот девяносто первый год по христианскому летоисчислению. Постоянный разрыв – тысяча сто сорок семь лет и пять с половиной месяцев. Запомните накрепко.

– Спасибо. А вы откуда об этом знаете?

– Не могу сказать. Существование других Дверей для вас секретом не является?

– Нет. Папа знаком с другими хранителями, даже заграничными.

– На этом закончим. – Алёна, так и не притронувшаяся к чайной чашке, встала. – Нам пора. Извините.

Людочка только плечи вздернула. Неслышно шагнула вслед, остановилась в прихожей, так, чтобы видеть Дверь. Не сказала и слова, попрощаться не стала.

Алёна вошла во тьму первая, мгновенно исчезнув за непроглядной пеленой. Славик запнулся. Бросил взгляд через плечо. Людочка смотрела на гостя не отрываясь, очень пристально. Что-то неуловимое читалось в ее глазах – искра догадки, узнавания, сомнения...

– Послушайте, – скороговоркой произнес Славик, поддавшись внезапному порыву. – Только не перебивайте. Через полтора года начнется война. С Германией. Сделайте вот как...

Людочка сдвинула тонкие брови, шагнула вперед, взялась тонкой ладошкой за косяк двери. Чуть подтолкнула Славика.

– Знаю. Идите. И очень прошу, не возвращайтесь. Здесь вам не место. Идите.

* * *

Час спустя, когда Славик едва отошел от легкого цивилизационного шока и почти убедил себя, что неполные три часа в Ленинграде ему или приснились, или почудились, затрещал домофон. Алёна подошла, спросила «Кто там?» и открыла. Позвала Славика, валявшегося в спальне с книжкой.

– Кого принесло?

– Сказал, будто курьер из «Альфа-банка».

Оказалось, и впрямь курьер – парнишка в бейсболке. Толстая папка в руках. Потребовал от Славика паспорт, после предъявления такового извлек конверт с банковской эмблемой. Пояснил:

– Наш клиент предписал доставить сообщение сегодня, двенадцатого января, после семнадцати ноль-ноль. Вячеслав Михайлович, распишитесь. Надеюсь, никаких претензий?

– Пойдите, – нахмурился Славик, постучав пальцем по отпечатанной на конверте корреспондентской информации. – Судя по дате, отправитель сообщения положил депешу в банковскую ячейку одиннадцать с лишним месяцев назад, в марте прошлого года. Это как, нормально?

– В договоре указано: доставить в определенное время. Если вы чем-то недовольны, позвоните старшему менеджеру отдела, вот телефон...

– Довольны, – отрезала Алёна и сунула курьеру три сотенных бумажки. – Спасибо, всего доброго.

Парень сгинул, щелкнул дверной замок.

– Почти год, – хмыкнул Славик. – Тогда еще никто не знал, что я буду жить здесь, а адрес и фамилия-имя указаны точно. Никто, кроме... Ах ты ж холера!

Метнулся на кухню, схватил нож, вскрыл конверт. Алёна заинтересованно поглядывала из-за плеча.

– Ерунда какая-то, – Славик вертел в руках заверенную ксерокопию старинного документа из архива Министерства обороны. – Что это значит?

– Дай-ка сюда. Не вижу никакой связи между бронетанковым управлением РККА и твоей скромной персоной. Почитаем...

* * *

«Секретно. Начальнику 4-го отд. АБТУ РККА военинженеру 1-го ранга т. Алымову.

Донесу, что в 09 часов 12 минут 15 сентября 1939 г. во время приемо-сдаточного пробега машина Т-28 столкнулась с пассажирским поездом, который следовал из Ленинграда в Москву. Столкновение произошло в районе Ленинграда на переезде между Лигово и Негорелово Балтийского участка Октябрьской железной дороги. Переезд неохранный. Шлагбаума нет. Сигнализация отсутствует. Состояние погоды – моросающий дождь, туман. Управлял машиной воентехник 1-го ранга тов. Розов. В результате столкновения произошло:

По личному составу.

1. Из личного состава и пассажиров поезда ранено один тяжело и пять легко.

2. Из тяжело раненных – инспектор ОТК цеха тов. Ильин – умер в больнице.

3. Воентехник 1-го ранга тов. Розов имеет ранение головы. Сегодня положен в госпиталь.

По машине.

1. Сбита малая башня.

2. Сорван кривошип ленивца.

3. Повреждена ходовая часть.

4. Корпус требует ремонта.

По подвижному составу железной дороги.

1. Паровоз сошел с рельс. Требуется среднего ремонта.

2. Почтовый вагон сгорел.

3. Два классных вагона требуют капитального ремонта (один вагон эстонский) и один классный вагон – текущего ремонта.

4. Путь поврежден на расстоянии 130 метров.

Прокуратура железной дороги дело о расследовании столкновения передает в военную прокуратуру ленинградского гарнизона.

*Подпись: старший военпред АБТУ РККА военинженер 2-го ранга Шпитанов.
16 сентября 1939¹».*

* * *

... – Кажется, я понимаю, – медленно сказал Славик. – Посмотри, фраза «Почтовый вагон сгорел» на ксерокопии подчеркнута красным маркером.

– Где квиток с Главпочтамта? Принеси!

Славик порылся в карманах светлого пиджака, брошенного в прихожей, нашел отрывной талон квитанции. Положил на стол перед Алёной.

– Сходится! Черт побери, сходится! Бандероль мы сдали на почту в середине дня 14 сентября! Ночью посылку отправили на вокзал и погрузили вместе с прочими отправлениями в почтово-багажный вагон. Авария случилась на следующее утро...

– Крепкие танки строили при советской власти, – растерянно сказал Славик. – Значит, начался пожар, и наш фотоальбом превратился в пепел. Что и требовалось доказать. Но откуда взялось это письмо?..

– Всегда знала, что ты редкий тугодум. Людочка отнюдь не выглядела круглой душой и, конечно, ею никогда не являлась – в противном случае не смогла бы три четверти века успешно присматривать за «червоточиной». Мигом сообразила, что мы пришли в Ленинград той поры далеко не просто так! Накрепко запомнила дату. А значительно позже, когда военные архивы начали рассекречивать, вычислила! Обычная дедукция!

– И верно. Уходили из квартиры в город. Зачем? Мороженое попробовать? Портфель стащили, значит, что-то несли. Вернули пустым... Периодичность затемнений Людочке была известна, следовательно обе даты – здесь и там, – сопоставляются на раз!

– Выходит, она посмертно привела нам очередное доказательство аксиомы о неизменяемости событий? Чтобы в дальнейшем отбить желание зря экспериментировать и рисковать головой ради недостижимой цели? Но откуда Кейлин знала, что в январе этого года ее не будет в живых?

– Встречный вопрос: почему она настолько тщательно подготовилась к своей смерти? Выходит, знала. Не преодолела искушения. Во время одного из следующих затемнений Людочка пришла к нам. Сюда. И выяснила всё интересующее. Никаких других разумных объяснений у меня нет.

– Славик, сделай вот как... Прибей на то же место, что и раньше, крючок. Повесь на него запасные ключи от дома. Уверена, пригодится. Не старой хозяйке, так кому-нибудь другому.

– А именно? – ошеломленно спросил Славик.

– Кто знает, не объявится ли у нас гость, например, из две тысячи семьдесят девятого года. Чем твой преемник хуже тебя самого? Судя по наблюдениям, «замыкание» Дверей приводит к разрыву в полные семь десятилетий...

– Ты меня пугаешь.

– Поздно бояться. И бессмысленно. Остается только гадать, какие сюрпризы следует ждать от Двери в будущем и быть готовыми к любым неожиданностям.

– Чем больше узнаю, тем больше стараюсь.

– Плюнь. Давай ужин готовить. С тебя чистка картошки, с меня – курица в кляре.

¹ Реальный документ из архива АБТУ РККА (ныне хранится в РГВА, фонд Главного автобронетанкового управления). Изменена только дата – в действительности этот случай произошел 11 января 1940 года.

* * *

И раньше было понятно, что начавшийся в октябре прошлого года новый период в жизни Славика скучным никак не назовешь – к феномену Двери можно относиться как угодно, но затосковать «червоточина» тебе точно не позволит. За двенадцать минувших недель на долю новоявленного аргуса выпало стократ больше чудесных и не очень приключений, чем за все двадцать семь лет жизни. Про новые знакомства и говорить нечего – люди самые примечательные.

Один из таких знакомцев приперся следующим вечером – на разговор под водочку с хорошей закуской. Извлек из сумки литровку «Зеленой марки» и мешочки с корейскими салатами – острая капуста, маринованные опята, папоротник. Алёна демонстративно возвела очи горе – отлично знала, сколько может выпить гражданин майор в один короткий вечер. Никаких сомнений, на пару со Славиком литр они уговорят часа за полтора и пойдут да добавкой.

На сотрудника Конторы Юрий походил мало, поскольку на дух не выносил официальный стиль. Ему вполне хватало спортивной куртки от «Лонсдейл», вязаной черной шапочки и потертых джинсов с зимними кроссовками. Плюс фирменная двухдневная небритость. Вполне можно принять за гопника откуда-нибудь из Колпино или Металлостроя. Имидж, ничего не подделаешь. Славик видывал и школьных учителей, разгуливающих в косухах и камуфляже – у нас вроде свободная страна. Так декларируется.

Внешний вид, однако, еще ни о чем не говорит. Если трудишься в малоприметном Центре спецтехники ФСБ и практически не попадаешь в поле зрения журналистов, уставная форма одежды не обязательна.

– Устроим тихую семейную посиделку, – жизнерадостно трещал Алавер, привычно обосновавшись на табурете возле кухонного стола. – Работа опостылела, погода противная, а из-за недостатка солнца зимой у меня всегда развивается депрессия. Придется лечить народными средствами: добротным спиртным и душевным разговором. Слава, я точно знаю, у вас есть о чем рассказать. У меня тоже. Алёна Дмитриевна, я могу попросить достать рюмки?

– Вам горячего приготовить? Могу подогреть рыбный суп.

– Давайте, не помешает.

Засиделись далеко за полночь. Славiku пришлось во всех подробностях изложить историю своих парижских странствий – Алавера интересовало всё. Имена-пароли-явки. Иногда майор согласно кивал, переспрашивал, отмечал знакомые фамилии – про Доминика Жоффра со товарищи в его отделе слышали, и не раз.

– Уважаемый в своей среде человек, – объяснил Юрий. – Глава одного из наиболее продвинутых кланов Серых. Предполагается, что Жоффр занимается этим бизнесом не столько из жадности, сколько ради искусства. Денег у него хватает, причем с избытком. Интересует сам процесс, игра, сопряженная с острыми ощущениями. И персонал набрал себе под стать – знает, что на одном желании заработать далеко не уедешь, важная роль отводится личной увлеченности сотрудников. В ближайшие дни запрошу досье на этого вашего Ивана Проченкова, сразу видно – парень неординарный, один на тысячу. Теперь давайте о заключенных соглашениях. Что они хотят? И что обещали взамен?

Славик был откровенен и ничего не утаил – Центр спецтехники ненавязчиво сотрудничал с большинством российских аргусов, осуществляя дополнительный контроль над Дверьми, хотя бы потому, что хранители не всегда могли самостоятельно ликвидировать «прорывы», достаточно вспомнить о страхолюдине в Репино.

Отношения выстраивались по принципу «ты мне, я тебе», без дополнительных обязательств – случись какая неприятность, Славик всегда мог обратиться за помощью к Алаверу и его Конторе, заинтересованной в сохранении секрета Дверей и недопущении опасных экс-

цессов. Присмотр за Грау и их далеко не всегда безобидной деятельностью по понятным причинам также входил в функции Центра – неписанный кодекс аргусов для Серых не указ, эти ненормальные могут случайно или намеренно притащить с *той стороны* любую пакость, а разгребать как всегда придется органам и аргусам-традиционалистам.

– Давайте еще по пятьдесят граммов, – майор протянул руку к опустошенной на две трети бутылке. – Алёна Дмитриевна, примете участие? Что ж, не буду настаивать... Тогда вопрос: Слава, вы сами что выбрали? Для себя?

– Не совсем понял.

– Озвучу позицию моего начальства. В конфликтах аргусов с Грау Контора соблюдает нейтралитет, за одним исключением: вмешаться мы обязаны, если разборки заканчиваются летальными исходами. Вспомним убийство Гончарова.

– Сдвиги в расследовании появились?

– Да. Исполнителя мы взяли и раскололи – не высокочлассный профессионал, но и не полный лох. С заказчиком сложнее. Есть основания полагать, что Жоффри непричастен.

– Другой клан Серых?

– Пока не знаю. Гончаров собирался противодействовать операции, разрабатываемой Жоффри, однако мсье Доминик обычно не прибегает к настолько радикальным методам. Есть третья сила. Предположительно, конкуренты вашего парижского коллеги. Если аргусы являются пусть и разнородным, но единым сообществом, то среди Грау не утихает подковерная грызня. Каждому хочется урвать куш побольше и пожирнее. Гончаров перешел дорогу не одному Жоффри, но и тем, кто его хочет обставить в предполагаемой большой игре за наследство Ордена.

– Значит, все-таки тамплиеры?

– Это вы сказали.

– Предположил. Мы с Алёной сочли, что золото Тампля – наиболее привлекательная и доступная цель.

– С «доступностью» вы, безусловно, погорячились, не следует полагать храмовников недоразвитыми олигофренами, обитающими во мраке средневековья. За свое достояние они будут бороться отчаянно, причем на своей территории – дома и стены помогают... Преимущество Жоффри только в исключительно грамотном персонале, наглости и неожиданности. Теперь представим: Грау создали идеальный механизм, подготовили операцию с невероятной тщательностью, рассчитали действия поминутно, а тут вдруг кто-то подсыпал в шестеренки песочку и машина засбоила. Провал? Это полбеды. А если серьезная подстава? На *той стороне*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.